

ДЖОЗЕФ БРЕНТ

Чарльз Сандерс Пирс: Жизнь

«Час триумфа несет с собою пустоту»: 1871—1882*

Дух логического метода человеку следовало бы любить и почитать как свою невесту, которую он избрал одну из всего мира. Ему не нужно осуждать других; напротив, он может испытывать к ним глубокое уважение, и поступая так, он тем более проявляет уважение к ней. Но она — единственная, которую он избрал, и он знает, что он был прав, делая этот выбор. И сделав его, он будет трудиться и сражаться ради нее и не будет жаловаться на удары судьбы, только желая, чтобы их было больше и чтобы они были тяжелее, и он будет прилагать усилия к тому, чтобы стать достойным рыцарем и победителем той, из блеска чьих достоинств черпает он свое вдохновение и свое мужество.

*Чарльз Сандерс Пирс,
«Закрепление верований», 1877*

Когда в марте 1871 года Чарльз и Мелузина вернулись из своего путешествия по Европе, они перебрались в свой второй дом на Эрроу-стрит, 6 в Кембридже. Работа по совместительству на двух должностях приносила Пирсу примерно 2.500 долларов в год, неплохой доход по тем временам. Ему шел тридцать первый год, он был уверен в себе и рассчитывал на блестящую интеллектуальную карьеру, особенно в философии и естественных науках в Оксфорде и Кембридже. Он хотел доказать себе и остальным, что он и Гарвард достойны друг друга. В этом намерении у него был свой предшественник — Уильям Джеймс, который за три года до этого писал из Германии Оливеру Уэнделлу Холмсу-младшему, настаивая на необходимости создания «...философского общества для проведения регулярных собраний и обсуждения самых важных и самых широких вопросов, которое состояло бы из

* Joseph Brent. *Charles Sanders Pierce: a Life*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998, Ch. 2, pp. 82-135.

сливок бостонского общества».¹ О том, что такая группа была организована и что она проводила собрания, свидетельствует письмо, написанное 24 ноября 1872 года Генри Джеймсом своему другу, исследователю и переводчику Данте Чарльзу Элиоту Нортону:

Уэнделл Холмс собирается читать здесь лекцию по юриспруденции. Я думаю, когда-нибудь он будет *profeser*, как говорят французы, и станет признанным специалистом. Он, мой брат и другая яйцеголовая молодежь объединились, чтобы создать «Метафизический клуб», в котором они горячо спорят и обсуждают разные вопросы.²

В 1871–1874 годах (особенно зимой 1871–1872 годов) значительную часть времени, остававшегося после работы в Береговой службе и другой научной деятельности, Пирс проводил в небольшой компании «яйцеголовой молодежи», которая с тех пор стала называться среди учеников Пирса «Метафизическим клубом». Описание этого клуба у Пирса достаточно противоречиво, потому что сами его члены говорили о нем мало, за исключением Пирса, который объявил его местом рождения прагматизма. Эксгумация Пирсом этого клуба была связана со стремлением утвердить свое первенство в качестве основателя прагматизма. Джон Дьюи предельно ясно описал проблему Пирса:

Термин «прагматизм» вошел в литературу после вступительных слов речи профессора Джеймса перед Философским обществом Калифорнийского университета в Беркли в 1898 году. Слова эти были такими: «принцип прагматизма, как мы можем назвать его, может быть выражен различными способами, но все они очень просты. В *Popular Science Monthly* за январь 1878 года г-н Чарльз С. Пирс сформулировал его следующим образом»: и т.д. Однако читатели, обратившиеся к упомянутому тому, не нашли в нем ни слова из сказанного.³

Именно это сбивающее с толку отсутствие определения и пытался объяснить Пирс.

Членами клуба, по его воспоминаниям, были сам Пирс; Чонси Райт; Уильям Джеймс; Николас Сент-Джон Грин и Джозеф Бэнгс Уорнер, оба юристы из Кембриджа; Оливер Уэнделл Холмс-младший, который впоследствии стал судьей Верховного суда; более или менее регулярно Джон Фиск, историк и философ; Фрэнсис Эллингвуд Эббот, автор «Научного теизма»; Генри Боуэн, профессор философского факультета Гарварда; и Ч.К. Эверетт из Школы богословия.⁴

Дважды о членах клуба упоминает Джеймс. В 1905 году в письме Т.С. Перри, интересовавшемуся участием в деятельности клуба Джона Фиска, он вспоминал, что «...когда Чонси Райт, Чарльз П[ирс], [Николас Сент] Джон Грин, [Джозеф Б.] Уорнер и я собрались, чтобы обсудить космическую фил[ософию], Д[жон] Ф[иск] заснул прямо под нашим носом».⁵ Среди бумаг Фрэнсиса Эллингвуда Эббота имеется написанное Джеймсом приглашение «...присое-

¹ WJ to Oliver Wendell Holmes, 3 January 1868, цит. по: Perry, vol. 1, 508.

² HJ to C. E. Norton, 24 November 1872, Norton Papers, HU.

³ John Dewey, "The Pragmatism of Peirce," in *Chance, Love, and Logic*, edited by Morris R. Cohen, 301.

⁴ Fisch, "Metaphysical Club," in *Studies in the Philosophy*, edited by Edward C. Moore and Richard S. Robin, 24–29.

⁵ WJ to Thomas Sergeant Perry, 24 August 1905, James, HU.

диниться к Клубу для чтения и обсуждения философских авторов. В настоящее время собрания Клуба проводятся раз в неделю и в его состав входят Ч.К. Эверетт, Ст. Д[жон] Грин, О.У. Холмс-младший, Джон Фиск, Том Дэвидсон, Дж. Уорнер, профессора Боуэн и еще пара человек...», читавшие тогда Юма.⁶ И хотя это письмо было написано в январе 1876 года, в нем перечислены те же люди, которые – за исключением Чонси Райта, умершего годом ранее, самого Пирса, уехавшего в Европу по делам Береговой службы почти за год до этого, и Томаса Дэвидсона, друга и бывшего ученика Пирса – были перечислены и Пирсом. Сам Пирс утверждал, что он основал клуб в конце 1860-х и вскоре после своего возвращения из Европы весной 1871 года. Скорее всего, по своему возвращению, он вновь присоединился к группе, которая проводила неформальные собрания во главе с Чонси Райтом с середины 1860-х. Райт, Джеймс, Грин и Холмс продолжали встречаться в отсутствие Пирса; после его возвращения, с подачи Пирса они стали называть себя Метафизическим клубом по образцу Метафизического общества Лондона, основанного в 1869 году.

Объяснение столь непродолжительного существования клуба было предложено Пирсом в неопубликованном черновике в 1909 году. Он утверждал, что клуб был полностью неформальным и не требовал обязательного посещения, а его название было выбрано, чтобы оттолкнуть возможных случайных людей.

Его основной закон был вполне действенным, поскольку состоял только из одного пункта, запрещавшего какие бы то ни было действия от имени Клуба как коллективного органа и тем самым не позволявшего растратить то единственное, что было по-настоящему ценным в жизни и что многие другие общества растратили без остатка, занимаясь тем, что они в праздном легкомыслии называли «деловой стороной», в то время как ни одно действие в них не могло быть предпринято без участия должностных лиц, секретаря и соответствующих записей...⁷

Описывая в 1904 году членов клуба и их участие в его работе, Пирс отмечал:

В 1860-х я основал небольшой клуб, который стал называться Метафизическим клубом. На его собраниях редко бывало больше шести членов. Райт был самым преданным его членом, а я, вероятно, был следующим. Удивительно острым умом обладал Николас Сент-Джон Грин. Затем шли Фрэнк Эббот, Уильям Джеймс и другие.⁸

В 1906 году Пирс привел довольно противоречивое объяснение во фрагменте, получившем название «Прагматизм в доступном изложении»:

Я выехал за границу [в июне 1870 года] и в Англии, Германии, Италии и Испании из собственных уст отдельных ученых узнал, что они полностью изменили свои взгляды на науку и философию. После моего возвращения [в марте 1871 года] наш кружок, в который входили Чонси Райт, Николас Сент-Джон Грин, Уильям Джеймс, а также появившиеся время от времени Фрэнсис Эллингвуд Эббот и Джон Фиск, старался встречаться почаще для обсуждения фундаментальных вопросов. Грин был особенно увлечен взглядами [Александра] Бэна и заинтересовал ими всех нас; и, наконец, ваш покорный слуга изложил то, что мы называли принципом прагматизма. Несколько лет спустя, он был сформулирован [но не назван таковым] в двух статьях,

⁶ WJ to Francis Ellingwood Abbot, 23 January [1876], Abbot, HU.

⁷ MS 317.

⁸ Christine Ladd-Franklin, "Charles S. Peirce at the Johns Hopkins," *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods* 13 (1916): 719 (O 1243).

опубликованных *Popular Science Monthly* (ноябрь 1877 и январь 1878) [«Закрепление верования» и «Как сделать наши идеи ясными»], а позднее в *Revue Philosophique*.

Основная мысль, которая была выдвинута Бэнном и которая больше всего поразила Грина, а вслед за ним и всех остальных, заключалась в том, что человек готов совершать определенные поступки и идти на риск только при условии, что он действительно верит в то, что он делает.⁹

24 ноября 1872 года Уильям Джеймс писал своему брату Генри, что «он [Пирс] на днях прочитал нам замечательную вводную главу к своей книге о логике». Скорее всего, Пирс имел в виду эту рукопись.¹⁰ На следующий день Томас Сарджент Перри, редактор *North American Review* и приятель Джеймса и Пирса, попросил последнего сделать копию прочитанного в клубе доклада; свою просьбу он повторил и в декабре, после того, как Чарльз и Зина перебрались в Вашингтон. Пирс не выслал статью и из-за своей работы в Береговой службе мог заниматься логикой лишь урывками, чем, по-видимому, и объясняется то обстоятельство, что она не была опубликована ранее. Но ни здесь, ни в свидетельствах членов клуба, ни в упомянутых Пирсом и Джеймсом статьях, опубликованных в *Popular Science Monthly* в 1877–1878 годах, ни даже в ряде статей в *Monist* 1891–1893 годов слово «прагматизм» не встречается. Первое издание «Словаря столетия», вышедшее в 1889 году, не содержит статьи о прагматизме как о философском термине, хотя Пирс отвечал за его подготовку, включив в него другие философские термины, среди прочего предложив определения *реализма, номинализма, идеализма, идеального реализма* своего отца и многих других терминов. Но статьи о прагматизме («Прагматический характер или поведение; услужливость; деловитая грубость») и прагматике («деловито грубый и назойливый человек») все же есть — ирония, которую Пирс, безусловно, оценил по достоинству. Такое отсутствие термина «прагматизм» в опубликованных сочинениях и письмах более десяти лет спустя после его предполагаемого употребления кажется довольно загадочным, особенно если учесть, что Пирс настойчиво приписывал себе заслугу его изобретения.

В значительной степени решению этой загадки помогает переписка между Джеймсом и Пирсом в ноябре 1900 года. Джеймс Марк Болдуин, психолог и редактор «Словаря философии и психологии», во многом способствовал подготовке определений целого ряда понятий. Он обратился к Пирсу, будучи, несомненно, осведомленным о его работе над «Словарем столетия». Пирс писал Джеймсу:

Теперь у меня появился особый повод написать. Болдуин, дойдя до буквы “J” в своем словаре, неожиданно попросил меня срочно доделать оставшуюся часть логики, к тому же, возникли разные терминологические вопросы.

Кто стал родоначальником термина *прагматизм*, я или Вы? Где он впервые был опубликован? Что Вы об этом думаете?¹¹

Джеймс ответил открыткой: «“Прагматизм” придумали Вы, о чем я говорил в лекции под названием “Философские концепции и практические по-

⁹ MS 325.

¹⁰ WJ to HJ, 24 November 1872, James, HU.

¹¹ CSP to WJ, 10 November 1900, James HU. См. также: CP 8.253.

следствия”, посланной Вам в двух экземплярах пару лет назад [Речь перед Философским обществом Калифорнийского университета в Беркли, 1898]». ¹² Это первый случай, когда в долгой и зачастую пространной переписке между ними Пирс использовал термин «прагматизм». Поэтому почти все описания клуба и происхождения прагматизма представляют собой ретроспективный вымысел этих двух человек. В 1900 году Джеймс развлекал своих студентов и коллег многочисленными рассказами о клубе и Пирсе, его самом загадочном члене, знакомя их с преданиями Гарварда. Фиш приводит описание одного из студентов Джеймса, прекрасно передающее тогдашнюю атмосферу:

Во время беседы Джеймс рассказывал о философском клубе, членами которого были Чонси Райт, Джон Фиск и другие, где Пирс должен был читать доклад; они собрались; Пирс опаздывал; они все ждали и ждали; наконец, прибыл экипаж, запряженный двумя лошадьми, и из него вышел Пирс в темном плаще; он вошел и начал читать доклад. О чем он был? По словам Джеймса, он объяснял, как различные моменты времени привыкают следовать один за другим [согласно Пирсу, всякая непрерывность представляет собой следствие привыкания]. ¹³

С другой стороны, у Пирса не было никаких оснований вспоминать о клубе, пока Болдуин не настоял на его значимости, попросив Пирса помочь в определении понятий для своего готовящегося словаря. Только тогда Пирс привел различные воспоминания о клубе и подготовил определения *прагматизма, прагматиста, прагматического и прагматицизма* для словаря Болдуина и, спустя пять лет, «Словаря столетия» (отредактированные, по всей видимости, Дьюи), которые вышли в 1909 году, за пять лет до его смерти, в исправленном «Дополнении» издания. Рабочий экземпляр пирсовского «Словаря столетия» в Гарварде является, возможно, самым содержательным источником этих и многих других поздних определений.

Такие обстоятельства привели Ральфа Бартона Перри в его исследовании 1935 года, посвященном Уильяму Джеймсу, к категорическому утверждению, что «хотя происхождение прагматизма неясно, очевидно, что мысль о том, что родоначальником прагматизма был Пирс, была выдвинута Джеймсом». Профессор Перри пришел к выводу, что «современное движение, известное как прагматизм, в значительной степени представляет собой результат неверного понимания Пирса Джеймсом». ¹⁴

В своей книге «Развитие и основатели прагматизма», опубликованной в 1949 году, Филипп П. Винер также высказывает серьезные сомнения, отмечая, что клуб мог быть «главным образом символом в метафизическом воображении Пирса» и что в воображении он мог «принять в члены своего Метафизического клуба» Чонси Райта и остальных. Он делает вывод:

Но, в конечном счете, какое значение имеет термин? Для историка мысли самое главное состоит в том, что в своем описании происхождения прагматизма Пирс объединил исторически значимую группу людей, которые действительно жили в одном пространстве и времени, находились в одной интеллектуальной атмосфере и оказы-

¹² WJ to CSP, 26 November 1900, CSPP, HU. См. также: CP 8.253 и далее.

¹³ Fisch, “Metaphysical Club,” in *Studies in the Philosophy*, edited by Edward C. Moore and Richard S. Robin, 11.

¹⁴ Perry, vol. 2, 407n6, 409.

вали друг на друга влияние, в результате чего возникли идеи, пропитавшие все наше сегодняшнее мышление.¹⁵

В своей статье «Существовал ли в Кембридже Метафизический клуб?», опубликованной в 1964 году, Фиш доказал, что таковой действительно существовал, рассеяв таким образом одно из сомнений Винера; но в то же самое время ему не удалось опровергнуть утверждение Пери о том, что первенство Пирса в вопросе о рождении прагматизма было исключительно идеей Джеймса. При этом ему не удалось привести весомых доводов в пользу того, что этот клуб не был «главным образом символом в метафизическом воображении Пирса», как утверждал Винер.¹⁶

Единственное опубликованное упоминание о клубе и его роли в возникновении прагматизма было сделано Пирсом мимоходом в его статье 1908 года «Отвергнутый довод в пользу реальности Бога». Оно состояло из одного единственного предложения, написанного рублеными фразами: «В 1871 году в Метафизическом клубе в Кембридже, штат Массачусетс, я проповедовал этот принцип как своего рода логическое евангелие, которое было не проработанным в достаточной мере методом, следовавшим Беркли, и в беседах о нем я называл его “прагматизмом”».¹⁷ Пирс имел множество возможностей опубликовать более полное описание клуба, но он предпочел этого не делать. Вероятно, ему претило то странное обстоятельство, что термин «прагматизм» не встречался ни в одной из тех статей, где излагалось его учение. К тому же, содержание этих статей было излишне номиналистическим, чтобы его можно было согласовать с логическим реализмом, который исповедовался им в 1900 году; и, кроме того, оно не соответствовало его более поздним утверждениям, что логика в своей основе не имеет никакого отношения к психологии. Также он сознавал, что подчас его противоречивые описания клуба несли в себе острый привкус ностальгии и что его же собственные принципы научной этики заставляли усомниться в некоторых его воспоминаниях.

С первых своих шагов в философии Пирс всеми силами стремился отдалить должное родоначальникам каждой осознанно используемой им идеи. Согласно Пирсу, стремление к знанию, особенно в науке, не является индивидуальным занятием. На самом деле все обстоит совершенно иначе: оно представляет собой социальную практику, результат труда сообщества исследователей. Мысль Пирса о том, что преемственность или живучесть идеи во многом обусловлены степенью близости к истине, предполагала, что каждый отдельный вклад просто прибавлялся к бесчисленному множеству таких же отдельных вкладов, накопленных за пять тысячелетий поисков истины. Поэтому он понимал, что необходимо прилагать все усилия для выяснения происхождения и преемственность любой значимой идеи, и именно в этом состоял его принцип философской и научной этики.

¹⁵ Wiener, 24–26.

¹⁶ Fisch, “Metaphysical Club,” in *Studies in the Philosophy*, edited by Edward C. Moore and Richard S. Robin, 3–32.

¹⁷ CP 6. 482.

Поскольку прагматизм был для него одной из наиболее важных идей, то всякое искажение происхождения прагматизма было для него неприемлемым и противоречащим его глубочайшему убеждению. По всей вероятности, клуб во многом был именно таким, каким его описывал Пирс в своих воспоминаниях. Ошибка Пирса заключалась в том, что он придавал ему слишком большое историческое значение. Для других членов, за исключением Джеймса, клуб был важен как место, где обсуждались философские проблемы, вызывавшие у них общий интерес. Для Пирса же он был местом, где зародился прагматизм, его «любимое творение», «живая идея», которую он «холил и лелеял, словно цветы в саду», а потому клуб был для него священной землей. Пирс выразил искреннее неудовольствие в связи с тем, что в исправленном «Дополнении к “Словарю столетия”», где была опубликована статья Джеймса с определением термина прагматизм, он был назван его основателем:

(б) Теория точного метода определения значения понятий... Эта теория впервые была изложена г-ном Пирсом в статье «Как сделать наши идеи ясными» в *Popular Science Monthly* в 1878 году. Однако сам термин «прагматизм» в ней не использовался. В статье в *Monist* за 1905 год г-н Пирс утверждает, что «постоянно использовал его в ходе философских дискуссий, возможно, с середины семидесятых годов». Впервые в литературе термин был использован профессором Уильямом Джеймсом в 1898 году в выступлении «Философские концепции и практические последствия», в котором авторство термина и метода было приписано г-ну Пирсу. Последний недавно использовал термин «прагматизм» для того, чтобы выразить это значение.

Тридцатитрехлетний Пирс, предчувствуя блестящую научную и философскую карьеру, и представить себе не мог, что судьба его больших ожиданий окажется столь извилистой, скучной и унижительной. Мысль о том, что, спустя двадцать лет после смерти Пирса, Ральф Бартон Перри, биограф его лучшего друга Уильяма Джеймса, недвусмысленно даст понять, что значение труда всей его жизни заключалось всего лишь в жалком открытии, совершенном его другом Джеймсом, показалась бы ему не только невероятной ошибкой, но также оскорблением доброго имени Джеймса и осквернением самой сути философского исследования.

Оставшиеся месяцы 1871 года Пирс провел в Вашингтоне и Кембридже, готовясь заняться тем, что он и его отец могли бы называть пиком его карьеры, одним из важнейших аспектов деятельности Береговой службы, разделом геодезии под названием гравиметрия, измерение гравитации. Он также занимался фотометрическими исследованиями в качестве ассистента Уинлока в Гарвардской обсерватории и другими видами астрономических исследований. Он и Зина часто подолгу не были вместе из-за того, что он много времени проводил в Вашингтоне, а она увлеклась феминизмом. Пирс писал ей накануне Рождества 1871 года:

Дражайшая Зи,

Любимая, мне так хочется, чтобы в этот вечер мы были вместе. Я так давно не слышал твоего голоса, не видел тебя, мой Нолик [Политический ноль – псевдоним, который Зина использовала в работе «Демократическая партия: политическое исследование», опубликованной четыре года спустя]. Если бы письма могли сократить расстояние между нами, я бы писал по два раза на дню. Но, увы, этого они, видимо,

сделать не могут. Ты понятия не имеешь (хотя, думаю, можешь себе представить), как было бы здорово оказаться сегодня вместе, моя сладкая.

Сегодня ко мне приходил Саймон Ньюкомб [они обсуждали политэкономия]. Он интересовался, как у тебя дела. Вчера вечером в Философском обществе [Вашингтона] я выступил с небольшим докладом о [комете] Энке, который был хорошо принят и вызвал небольшие прения. Там был воздухоплаватель, рассказы которого вызвали большие сомнения. Он рассказал, как однажды поднялся на высоту вместе с одним юношей, а воздушный шар сильно раскачался, когда они были на высоте две мили. А юноша сказал, что ничего такого не помнит.

Меня очень интересует политэкономия, на изучение которой я трачу все свои вечера. Я постараюсь объяснить тебе свои взгляды. 1. Политическая экономия, в моем понимании, рассматривает отношения трех качеств: *цены* вещи, ее годового оборота, который я называю *спросом*, и стоимости... [письмо повреждено]¹⁸

8 апреля 1872 года Бенджамин Пирс назначил своего сына (вместо более опытных помощников) на должность временно исполняющего обязанности ответственного помощника управления Береговой службы в Вашингтоне, пока Джулиус Хилгард, ответственный помощник, находился в Европе по делам Береговой службы. Чарльз пребывал в этой должности до 1 декабря, когда отец назначил его помощником, ответственным за проведение гравиметрических исследований с жалованием в 2.500 долларов.¹⁹ Чарльз настаивал на предоставлении ему полной свободы действий в выполнении своих обязанностей. Письмо с наставлениями от Бенджамина было необычно большим и выдержанным:

Таким образом, на тебя возлагается ответственность за маятниковые эксперименты Береговой службы, а также руководство и инспектирование всех сторон, участвующих в проведении этих экспериментов... Вместе с маятниковыми экспериментами ты проведешь исследование закона отклонений отвеса и азимутов от сфероидальной теории фигуры Земли... [Чарльз просил своего отца предоставить ему более широкие полномочия и свободу действий и получил согласие:] Когда ты не будешь занят полевыми исследованиями, направь свои усилия на проведение математических исследований силы тяжести, а также проследи за публикацией отчетов Береговой службы ответственным помощником и помоги ему в наблюдении за проводимыми им химическими процессами, а также в тех делах, о которых он может попросить; кроме того, ты вправе порекомендовать мне одного человека на должность служащего с жалованием, не превышающим 1200 долларов в год, для того, чтобы отчитываться перед ответственным помощником управления и помогать тебе в исполнении обязанностей, возложенных на тебя этими инструкциями...

Ты подготовишь годовой отчет начальнику, стоящему над твоим исследовательским отделом, и можешь выдвигать такие предложения и проводить такие исследования, которые только могут понадобиться.²⁰

В структуре Береговой службы помощник подчинялся только директору; таким образом, эти инструкции означали, что до тех пор, пока его отец сохранял свое влияние в Береговой службе, Чарльз был защищен от последствий любых необдуманных поступков, а также зависти и негодования своих коллег. Как писал Мюррей Мерфи об этой политике, «никто и никогда не со-

¹⁸ CSP to MFP, 17 December 1871, Mitarachi.

¹⁹ BP to Secretary of Treasury, 8 April 1872, NA, CGS, Appointment Division Correspondence, 1860–1891.

²⁰ BP to CSP, 30 November 1872; CSP to BP, 28 November 1872, NA, CGS, Assts., 1866–1875.

мневался в блеске Чарльза Пирса — он заслужил признание собственными способностями: но поскольку он был сыном своего отца, он не был высокого мнения о других. Потакание ему должно было принести горькие плоды».²¹ При назначении на должность Пирс был слабо знаком с геодезией и гравиметрическими исследованиями. Береговая служба должна была выделить значительные средства и время, чтобы подготовить его в этой области.

Пока Пирс-старший оставался директором, большую часть времени он проводил в Кембридже, занимая должность профессора математики. Ему нужен был человек в Вашингтоне, который мог бы действовать в роли его доверенного лица, а также здраво оценивать положение вещей. Обычно с этой задачей справлялся Джулиус Хилгард, его ответственный помощник в вашигтонском управлении, который рассчитывал стать преемником Пирса-старшего на должности директора, так что временное назначение своего сына на эту должность позволило Бенджамину получить, хоть и не надолго, полностью лояльного и проникательного шпиона в управлении. Очевидным преимуществом назначения Чарльза было то, что оно позволило ему получить доскональное знание об управленческой работе и внутренней политике Береговой службы, что, естественно, значительно облегчало перевод его на должность ответственного помощника по проведению гравиметрических исследований. Но у таких назначений была и дурная сторона. Они явно свидетельствовали о семейственности, и назначение Чарльза ответственным за маятниковые эксперименты потребовало отстранения ученого, который занимался ими в то время, Чарльза А. Шотта, что вызвало зависть и негодование, впоследствии повредившие положению Пирса в Береговой службе. То, что Пирс признавал эту опасность, видно из его записки отцу: «Я смогу избежать злобы со стороны Шотта, если мне удастся обсуждать дела и консультироваться с ним[,] но в любом случае мне бы хотелось этого, поскольку, мне кажется, это важно для моей репутации и для моего увлечения астрономией».²²

После нового назначения Пирс вынужден был оставить свою должность помощника в Гарвардской обсерватории (хотя он числился в ее списках до конца 1875 года), однако, поскольку для завершения фотометрических исследований нужен был, по крайней мере, еще один год, он на словах договорился с директором, Джозефом Уинлоком, о том, что он продолжит работу до тех пор, пока она не будет завершена, а результаты ее опубликованы.²³ После скоропостижной смерти Уинлока в июне 1875 года Пирс продолжил свои занятия, не сообщив об этом Элиоту, как будто прежняя договоренность была в силе, что и привело к возникновению серьезного конфликта между ним и Элиотом.²⁴

Одновременно с его назначением ответственным за проведение гравиметрических исследований Пирс вместе с Зиной перебрался в Вашингтон. Уильям Джеймс писал в письме своему брату, что Пирса «там высоко цени-

²¹ Murphey, 19.

²² CSP to BP, 8 December 1871, NA, CGS, Assts., 1866–1875.

²³ CSP to CWE, 2 December 1872, Eliot, HU.

²⁴ JW to CSP and CWE, 18 July 1870 – 11 June 1875; CSP to JW, 2 February 1873, Winlock, HU.

ли, а здесь [в Кембридже] только терпели, и он был бы дураком, если бы не поехал туда».²⁵ Но Вашингтон — это не Кембридж. Здания в нем были по большей части старыми и деревянными, а правительственные учреждения располагались хаотично, причем не все из них были достроены до конца. В городе было полно салунов, притонов, меблированных комнат и других низменных дополнений политики. По описанию, сделанному несколькими годами ранее конгрессменом из Огайо, Вашингтон был

невероятно отвратительным, хаотичным, промозглым городом, раскинувшимся вдоль левого берега желтой реки Потомак. Пенсильвания-авеню ... уныло тянулась целую милю от недостроенного Капитолия до недостроенного здания министерства финансов на Пятнадцатой улице, где она поворачивала на север к площади и продолжала свой грустный путь до Джорджтауна. Она была единственной мощеной улицей в городе... Как можно догадаться, Столица Республики была еще более зловонной, чем старинный Кельн в описании поэта Кольриджа. Еще был открытый канал, соединяющий Чесапикский залив и Огайо и тянувшийся от Рок-крик до Анакосты, где плодилась малярия, головастики и москиты... В политическом отношении город — местное население — был очень южным, почти как Ричмонд или Балтимор.²⁶

Зина полностью осудила это место и написала статью, опубликованную в *Atlantic Monthly*, «Лики Вашингтона», где призывала правительство взяться за запущенное уродство города.²⁷ Она старалась проводить впустую как можно меньше времени, оставив мужа наедине со своими приборами, и заниматься собственными делами. Поначалу дела у них складывались хорошо, как писала Сара своему сыну Джему:

Это новая бумага Чарли, которой он очень гордится... [официальная почтовая бумага Береговой службы с тиснением]. Он показал мне свой рабочий кабинет и прочел написанное им по логике, причем моему «неподготовленному слуху» показалось, что начал он неплохо. Ты это читал? Он тебе это высылал?.. Думаю, я никогда не видела, чтобы Чарли выглядел лучше или казался более счастливым, и оба они весьма довольны своей жизнью здесь... Ни одно воскресенье за городом не может быть тише, чем здесь сегодня. Ни шороха, ни ветерка...²⁸

До августа 1873 года Пирс занимался главным образом предварительным изучением теоретических и практических проблем геодезии и гравиметрии. Даже когда он и Зина были вместе, свое свободное время он тратил на работу. При случае он вел наблюдение за двойными звездами, проводил фотометрические исследования и работал над книгой по логике. Измерения гравитации имеют большое практическое значение для точного измерения Земли, поскольку различия в силе тяжести связаны с расстоянием земной поверхности от центра земного сфероида и способствуют установлению расстояния от данной точки земной поверхности до ее центра с высокой точностью, а все множество таких измерений дает точную модель формы Земли и тем самым увеличивает точность полевой съемки. Методом, использовавшимся для проведения таких измерений (и используемым и по

²⁵ WJ to HJ, 24 November 1872, James, HU.

²⁶ Agar, 410.

²⁷ Melusina Fay Peirce, "The Externals of Washington," *Atlantic Monthly* (December 1873): 701-16.

²⁸ SMP to JMP, 19 May 1872, CSPP, HU.

сей день), было качание маятников. Принцип действия связан с промежутком времени, за который данный маятник в данном месте и на данной высоте описывает полную дугу. При сравнении с теми же данными для того же маятника, размещенного в другом месте и на другой высоте, появляется математическое различие, которое может использоваться с гравитационной постоянной для определения расстояния маятника от центра земли. Поскольку математическое различие всегда очень мало, а такие переменные, как атмосферное давление, температура, допустимое отклонение в механических соединениях маятника и прогиб опоры маятника, могут привести к большему проценту ошибки, чем само гравитационное различие, методики, используемые при измерении силы тяжести, явно нуждаются в необычайно тонких технических приемах.²⁹

Приступая к изучению гравиметрии, второстепенной дисциплины геодезии, Пирс, по-видимому, не понимал того, что самым важным в ней было совершенствование технических приемов измерения, и потому вскоре зашел в тупик. Поскольку во всех науках его интересовали главным образом их логика и метод и лишь в минимальной степени их технические тонкости, его интерес к гравиметрии спустя несколько лет заметно сократился. Он быстро расширил область своих исследований, включив в них теорию ошибок при наблюдении, логику и математику измерения и другие, более интересные проблемы, связанные с гравиметрией, но Береговая служба зачастую выступала против проведения исследований в этих оригинальных направлениях и постоянно требовала от него «результатов». Еще более угрожающей была нудная работа, связанная со сведением тысяч результатов от колебаний маятника к одному единственному значению. Причем на протяжении всех тридцати лет работы Пирса в Береговой службе этими вычислениями занимался человек, а не машина. Хотя у Пирса были помощники, основную часть работы, а также всю проверку результатов вынужден был делать он сам. Для человека, чьи интересы на самом деле лежали в более свободной атмосфере логики всех наук, эта сторона гравиметрии была угнетающей.

В августе 1873 года Пирс начал свои эксперименты по измерению силы тяжести на горе Хусак и в шахтах хусакского железнодорожного туннеля близ Северного Адамса, штат Массачусетс. Многочисленные задержки были связаны с проведением взрывных работ в туннеле и неопытностью, причем не только его самого, но и американских изготовителей приборов, устройство которых не было достаточно совершенным, чтобы отвечать требованиям гравиметрии. Из-за этих задержек весной 1874 года вновь пришлось вернуться на Хусак для завершения первой части экспериментов. Помимо проблем, связанных с нехваткой научных знаний и опыта, Пирс страдал от собственной неискушенности и неумения тактично обращаться со своими подчиненными, многие из которых ушли от него; Генри Фаркуар, долгие годы проводивший для него необходимые вычисления, позднее свидетельствовал против него перед Конгрессом в 1885 году. Зина жаловалась на суровую лагерную жизнь, которую им приходилось вести из-за неудачного месторасположения туннеля, и на втором году они сняли жилье в близлежащей де-

²⁹ Victor F. Lenzen and Robert P. Multhau, 301–348.

ревне. При качании маятников, продолжавшемся двадцать четыре часа в сутки, всегда должен был присутствовать кто-то, кто выполнял бы скучную, но сложную и ответственную работу по измерению времени качания. Поскольку в проведении экспериментов зачастую участвовало только три и никогда не бывало больше четырех человек, смены длились по восемь, а иногда и по двенадцать часов. Один из этих двух человек, помогавших Пирсу, постоянно уклонялся от исполнения своих обязанностей, вследствие чего Пирс вынужден был его уволить. Таким образом, Пирсу не хватало рабочих рук, и ему самому приходилось работать по две смены, что вело к серьезно-му переутомлению и болезни.³⁰

Весной 1874 года Пирс-старший порвал со своей двойной жизнью и ушел с должности директора Береговой службы, став ее «консультирующим геометром». Таким образом, он мог сохранить свое влияние в ней, избежав бремени управленческих обязанностей. Все важные решения в Береговой службе, в том числе те, что касались Чарльза, по-прежнему принимал он. Новым директором стал Карлайл П. Паттерсон, капитан военно-морского флота, много лет проработавший в Береговой службе, который не предпринимал никаких действий, не посоветовавшись с Бенджамином (он обращался к нему: «Дорогой мой начальник»)³¹ Бенджамин поддержал назначение Паттерсона вместо Джулиуса Хилгарда, рассчитывавшего занять эту должность. Обида Хилгарда впоследствии заставила Чарльза уйти из Береговой службы и из Университета Джона Хопкинса. По описанию, которая оставила Сара во время отставки своего мужа:

Служащие сожалеют о замене, за исключением ликующего капитана Паттерсона, который очень уверенно взялся за дело, хотя все без исключения испытывают к нему неприязнь. Что же до бедного Хилгарда, то он горько разочарован, поскольку он все время с нетерпением ожидал, что после ухода Бена директором станет он сам.³²

В конце 1874 года Пирс-старший и Паттерсон решили, что Чарльзу хотя бы год следует провести в Европе, чтобы привести геодезию в Соединенных Штатах к европейским стандартам.³³ Но перед отъездом Пирсов в Европу в апреле 1875 года, где Чарльз должен был изучить европейские методы гравиметрических исследований, Зина сообщила ему и его родителям о своих подозрениях насчет того, что у него был роман во время ее отсутствия. Объектом ее ревности стала, в частности, привлекательная жена капитана Брэдфорда из Береговой службы. Мать Чарльза написала невестке о своей неохотной и неоднозначной встрече с миссис Брэдфорд:

Миссис Брэдфорд удивительно кстати оказалась у себя дома. Думаю, близость между ней и Чарли была невинной и просто дружеской. Я с тревогой следила за их общением, поскольку я знала, как переживает Зина, и я уверена, что все в порядке. У нее действительно довольно свободные манеры, но все совершенно невинно. Она целует Бена и берет его за руку, и, хотя она обращается *так развязно* и с Чарли, она все же

³⁰ CSP and CGS, 23 August 1873 – 20 October 1874, NA, CGS, Assts., 1866–1875.

³¹ CPP to BP, 13 April 1875, CSPP, HU.

³² SMP to CEP, [February] 1874, CSPP, HU.

³³ Victor F. Lenzen and Robert P. Multhaus, 301–348.

поступает с ним весьма бесцеремонно и, кажется, во многом благодаря тому, что он сам ей это позволяет. Конечно, они оказывают друг другу множество знаков внимания, но ими, по-видимому, все и ограничивается, поскольку ее муж сейчас далеко, а Чарли с ним очень близок. Чарли, конечно, не зайдет слишком далеко, и он сказал мне, что он спрашивал госпожу Трокмортон, безупречную леди, не считает ли она его отношения с миссис Б. слишком близкими, и она уверила его, что в них нет ничего предосудительного. Мне хочется, чтобы Зина взглянула на это иначе, потому что миссис Б. — одна из немногих его близких знакомых, и Чарли было бы жаль, если бы он больше не слышал ее щебетания. Она во многом похожа на такую женщину, как миссис [Джозеф] Ле Конт, но менее талантлива. Совершенная южанка.³⁴

Большую часть зимы 1873—1874 года Зина провела в Кембридже со своими родителями. Она поделилась впечатлениями о своем браке с сестрой Эми, в том числе и мнением о том, что Чарльз ее больше не любит и что она, возможно, оставит его. Аткинсон полагает, что в этом браке все обстояло совсем плохо, если Зина думала о расставании, так как она была абсолютной противницей развода. Аткинсон ссылается на ее крайние взгляды в вопросах прелюбодеяния и развода:

Великий Творец верил моногамному браку *передачу человеческой души*, поэтому прелюбодеяние — это не только нарушение самого сокровенного и священного соглашения в мире, но также предательство и разложение *самого источника жизни* — и, следовательно, предательство грядущего, будущего, еще не рожденного потомства, общества и расы. Поэтому подходящим наказанием за него должен быть не развод, а смерть или пожизненное заключение.³⁵

Несмотря на свои глубокие подозрения, Зина сопровождала своего мужа и его помощника, Фаркуара, во время поездки в Европу в 1875 году. Тогда же Чарльз и встретил Уильяма Апплтона, издателя *Popular Science Monthly*:

Неторопливое плавание позволяло пассажирам познакомиться и даже подружиться друг с другом. Мистер Апплтон и я взяли за обычное прогуливаться по палубе, а я рассказывал ему о своих исследованиях природы научного рассуждения... Он предложил мне неплохую кругленькую сумму за несколько статей для *Popular Science Monthly*.³⁶

Чарльз и Зина сошли на берег в Ливерпуле в середине апреля и потратили всю следующую неделю на осмотр достопримечательностей, причем жили они на широкую ногу, что вскоре привело к финансовым сложностям, а расточительность стала большой проблемой. Пирс обсуждал геодезию с многими британскими учеными, включая известного физика Джеймса Клерка Максвелла из Кембриджа, который согласился с его взглядами относительно свойств сопротивления, действующего на маятники. У него также были сомнения насчет изготовителей приборов, и после проволочек, связанных с английской неторопливостью, он провел в Обсерватории Кью качание маятника Береговой службы США, чтобы сравнить замеры, сделанные здесь, с замерами, сделанными в Соединенных Штатах. Из письма директора Паттерсона его отец узнал, что тот получил «самое интересное и «содержательное» письмо от Чарли — прекрасного представителя молодой

³⁴ SMP to CEP, 25 December 1874, CSPP, HU.

³⁵ Atkinson, 138-139.

³⁶ MS 771, цит. по: Fisch, PSP, 125.

Америки, ни в чем не уступающего Клерку Максвеллу и другим англичанам». ³⁷ Он также беседовал с великим математиком Уильямом Кингдоном Клиффордом о логике относительных и своей будущей книге по этой теме, чем произвел на него большое впечатление.

В июне он узнал о смерти друга отца и своего покровителя, Джозефа Уинлока, директора Гарвардской обсерватории; позднее он писал своей матери: «Я ничего не писал с того дня, как услышал об этом; я заболел (отчасти и из-за этой новости), и по причине своей слабости (а эмоции вызывали слабость физическую) мне нужно было несколько дней отлежаться». ³⁸ Через пять дней после смерти Уинлока Бенджамин телеграфировал Паттерсону, что он подержал кандидатуру Хилгарда. В тот же день он написал ему частное письмо:

Я хочу, чтобы вы написали ректору Элиоту и рекомендовали Чарльза С. Пирса как человека, подходящего для руководства обсерваторией. Я хочу, чтобы вы особенно отметили деловитость, с которой он руководил управлением в отсутствие Хилгарда... Надеюсь, вы все сделаете правильно. ³⁹

Ответ Паттерсона не заставил себя долго ждать:

Да, я с большим удовольствием сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь Чарли получить должность, которая позволит ему явить себя миру во всем ослепительном блеске металла, что содержится в нем. В приложении высылаю письмо ректору Элиоту. Если оно не подходит по форме, «пригладь его», как говорил старый добрый медведь молодому, и я его перепишу. Если назначат Чарли, что мы будет делать с гравитацией? ... Полагаю, кандидатом — и весьма серьезным — будет Ньюкомб...

Он продолжил десять дней спустя:

Полагаю, что точка зрения профессора [Джозефа] Генри [руководителя Смитсоновского института] относительно преемника в Военно-морской обсерватории может побудить Ньюкомба остаться там, и тем самым сделает возможным назначение Ч.С.П. в Гарвард. Я полагаю, что из них двоих последний обладает большей незаурядностью и творческой энергией, имеет в своем распоряжении столь же значительные математические средства, как и первый, и является лучшим наблюдателем. Такое место не самое лучшее из возможных для применения выдающихся способностей Чарли, но от него один шаг до лучшего, а то место, которое он занимает сейчас, отстоит от него на два шага. ⁴⁰

После этого Элиот и Гарвардская ассоциация какое-то время рассматривали вопрос о том, кем заменить Уинлока — Хилгардом или Чарльзом. (В 1877 году они избрали вместо них Эдварда К. Пикеринга, который какое-то время работал ассистентом в Обсерватории. Ньюкомб предпочел остаться в «Морском альманахе»). В ноябре в своем письме из Парижа Пирс сообщал Джеймсу о весьма неоднозначном отношении к этим махинациям:

Вы очень добры, желая моего возвращения в Кембридж. Не знаю, буду ли я в нем когда-нибудь жить. Я люблю его, но в нем есть нечто такое, что мне претит. Когда-то я хотел стать тамошним профессором, но со временем это желание прошло. Зачем

³⁷ CPP to BP, 24 May 1875, CSPP, HU.

³⁸ CSP to SMP, 7 August 1875, цит. по: Atkinson, 131.

³⁹ BP to CPP, 11 June 1875, NA, CGS, Private Correspondence, 1874–1877.

⁴⁰ CPP to BP, 19 and 29 June 1875, CSPP, HU.

мне переходить на такую должность, почти унижительную для меня (зачем мне быть человеком Чарли Элиота, когда у меня уже есть должность, на которой я уже занимаюсь настоящей исследовательской работой и даже свои обязанности воспринимаю с удовольствием), если я легко могу обойтись и без нее, как было в случае с колледжем. Что касается обсерватории, работу в ней я считаю самой неблагоприятной, когда совершенно механическая рутина сочетается с неприятными дразгами с отдельными членами комитета и ректором. Уинлок был очарователен. Мне удалось избежать всего этого, потому что моя книга о фотометрических исследованиях не вышла, а они сразу после смерти Уинлока попытались привязаться ко мне, но, к счастью, я слишком далеко.

Но не подумайте, что я не чувствую самой теплой благодарности к Вам и моим друзьям, которые хотят, чтобы я занял должность в обсерватории. Я не знаю, решил ли бы я от нее отказаться, хотя в целом она не кажется мне желанной. Но я всегда говорю излишне жестко, когда думаю об Элиоте.⁴¹

Из Англии Зина, Чарльз и Фаркуар сначала приехали в Гамбург, чтобы получить оборотный маятник Бесселя, заказанный двумя годами ранее у «А.К. Репсольда и сыновей», а затем в Берлин, где Зина навестила свою сестру Эми, учившуюся там музыке. Чарльз несколько раз встречался с генерал-лейтенантом Иоганном Якобом Байером, основателем и ректором Королевского прусского геодезического института, сомневающимся в устойчивости опоры Репсольда. В октябре Пирс прибыл в Женеву, где он договорился с профессором Эмилем Плантамуром, директором Женевского института, об испытании своего нового маятника и, помимо проведения обычных мероприятий, монтаже и измерении прогиба опоры, в которой сомневался Байер. В сентябре он создал довольно прочную основу для проведения работ в Париже. Сразу по прибытии он посетил заседание постоянной комиссии Международного геодезического общества и сообщил об открытиях, сделанных им в Женеве ее специальному комитету по маятникам, став тем самым одним из немногих американцев того времени, принявших непосредственное участие в дискуссиях международного научного общества.⁴²

Несмотря на то, что прошло уже полгода, Пирс все еще не отчитался перед Вашингтоном о своих расходах и начал беспокоиться о том, что может оказаться в серьезных долгах. Из-за постоянных разъездов счета стали настолько запутанными, что он уже не мог представить их в соответствии с инструкциями. Положение осложнялось еще и тем, что Пирс не знал, из чего ему исходить при составлении отчетов — валютного курса золота или бумажных денег; выбор в ту или иную сторону мог изменить сумму имевшихся в его распоряжении средств на четверть. Еще больше усугубив свое положение, он открыл счета у двух банкиров, которые были уполномочены на получение средств от Береговой службы. И, наконец, покидая Соединенные Штаты, Пирс забыл оставить управлению Береговой службы адрес, по которому следовало пересылать письма, а позднее дал адрес того места, где он задержался лишь на короткое время, вследствие чего он стал недостижимым для управления. Каждый месяц директору Паттерсону приходили все более безумные письма от Пирса, но связаться с ним самим никак не удавалось. А потом, по-

⁴¹ CSP to WJ, 21 November 1875, James, HU.

⁴² CSP to CPP, 23 September 1875, N A, COS, Private Correspondence, 1874–1877.

сколькx двое банкиров не получили денег по выданным им распискам, они написали его отцу, который, в свою очередь, стал проявлять все более сильную обеспокоенность.⁴³

Зина не поехала с Чарльзом в Женеву, как они планировали. В тот же месяц, когда он прибыл в Париж, она, сославшись на болезнь и свои сомнения насчет продолжения их брака, вместе со своей сестрой уехала в Кембридж. Париж, в котором осенью 1875 года Пирс оказался брошенным в одиночестве, находился в самом расцвете одного из своих самых великих, самых необычных и творческих периодов, *fin de siecle*. В том году, не повергнутый в уныние поражением от немцев в 1870 году в Седане и их захватом Парижа за один день, или наступившим вслед за ним насилием гражданской войны, когда революционеры Коммуны возвели на улицах баррикады, убили архиепископа и сожгли Тюильри, или скорой и жестокой расправой французской армии, которая либо перебила радикалов, либо отправила их в колониальную ссылку, город открыл ослепительную Парижскую оперу премьерой «Кармен» Жоржа Бизе, которую вполне мог видеть и Пирс, любивший оперу, роскошь и зрелища. На улицах и в салонах, а также в кабаре и кафе, которых насчитывалось более тридцати тысяч, блистало парижское общество. Литература переживала свой расцвет, хорошо приправленный скандалами и идеологическим и концептуальным брожением, возникшим после выхода в 1857 году книги стихов Бодлера «Цветы зла» и романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари». К 1875 году Эмиль Золя уже написал большую часть своих натуралистических романов, Ги де Мопассан занимался полировкой своих литературных сокровищ, а Поль Верлен вслед за Бодлером открыл символистскую поэзию. В 1863 году Эдуард Мане выставил в Салоне отверженных «Олимпию», портрет обнаженной проститутки, чем не только возмутил respectable буржуазию, но и положил начало новой эстетике. Выступая в роли критика, Бодлер оказал значительную помощь нонконформистам и таким художникам-импрессионистам, как Клод Моне, Камиль Писсарро и Гюстав Кайботт, которые провели свою первую выставку в 1874 году (за год до посещения Парижа Пирсом), представив на суд зрителей свои новые революционные эксперименты со светом, цветом, формой и содержанием. Париж оказал на него большое влияние. Именно этот удивительный богемный мир привил Пирсу любовь к французским романам и его зрелый стиль денди. Он научился ценить французские вина и по-своему следовал призыву отца совершенствовать свой вкус. Он нанял дорогого сомелье и занимался с ним два месяца, став прекрасным знатоком медокских вин. Возможно, именно парижские впечатления способствовали его сближению с Жюльеттой, женщиной, отражавшей очарование этого мира. Два года спустя в Нью-Йорке он завязал с ней скандальный роман, а в 1883 году они поженились. Также в Париже он начал придавать окончательную форму идеям, которые через два года были представлены на суд читающей публики в виде «Пояснения к логике науки». В декабре из Нью-Йорка Зина написала большое и примечательное письмо директору Паттерсону, в котором она объясняла причины, заставившие ее оставить своего мужа, и просила его о помощи:

⁴³ JMP to CPP, 19 July 1875; BP to CPP, 19 October 1875; NA, CGS, Private Correspondence, 1874–1877.

Уважаемый капитан Паттерсон,

Я давно хотела написать Вам и узнать, висят ли наши картины по-прежнему в приемной Береговой службы, где я их оставила, потому что я думаю, что они могли бы сделать комнату, которую мы — я и моя сестра — снимаем, более уютной. На днях я получила грустное письмо от г-на Пирса. Он пишет, что так и не понял, в чем выделяются средства — в золоте или в валюте — и потому тонет в счетах. Я думаю, что здесь какое-то недоразумение, и пишу не для того, чтобы вмешиваться или что-то предлагать, так как это не мое дело, а лишь для того, чтобы сказать, что если Вы сможете написать несколько обнадеживающих слов бедному Чарли, он почувствует себя лучше. Вы благосклонно относитесь к моему дорогому мужу в делах службы, а также давно и искренне дружите с ним и с его отцом, поэтому Вы можете оказать ему хорошую услугу. Не знаю, заметили ли Вы, но я чувствую, что долгое время, которое он провел в пути, не может не завершиться разочарованием, если не унижением. Его родители и брат [Джем] совершенно не способны увидеть, что с одним из их детей что-то не так и поэтому он никогда ни от кого не получал советов или предостережений, кроме как от меня, а на них жены и мужья, как известно, обычно смотрят сквозь пальцы. Наконец, решила оставить его и вернуться домой без него, дав ему понять, что, если он не изменится, я не смогу с ним жить и дальше. ... У Чарли есть одна черта, которой, к несчастью, никогда не пользовался ни один из его начальников, — это его повиновение тому, что он считает *законом*. При его характере большой бедой было то, что его отец пользовался таким влиянием в Береговой службе, что ему не нужно было относиться к нему так же строго, как к другим служащим (по крайней мере, так я могу судить со своей ограниченной точки зрения). Кажется, будто с самого детства все сговорились испортить его снисходительностью. Я не предлагаю и не советую начать вдруг затягивать гайки, которые, возможно, были слишком ослаблены, но я смею надеяться, что Ваше серьезное и благосклонное письмо заставит его больше сосредоточиться на выполнении своих обязательств перед Береговой службой, семьей, собственными талантами, Творцом и придаст ему большую уверенность в том, что касается его способностей, и *только* если он во всем станет действовать разумно, осторожно и осмотрительно, вместо своего обычного безрассудства и расточительности, ему станет значительно лучше. Он должен сам взяться за дело, а не сходить на следующей станции, оставив растерянных подчиненных со всеми этими научными приборами (тогда они, конечно, придут разбитыми и потребуют новых расходов для их замены), и лично позаботиться об их отправке и т.д.

В жизни Чарли сейчас серьезный кризис, и он нуждается в поддержке. Я надеюсь и верю, что Вы поступите благородно и по-отечески мудро с этим блестящим, но странноватым гением, который теперь полностью в Ваших руках. Даже своей сестре я не говорила столько, сколько сказала Вам, и, надеюсь, это останется между нами. Будьте добры к моему Чарли, дорогой капитан Паттерсон, и, прежде всего, относитесь к нему с пониманием. Спасем его *вместе...* если сможем... Пожалуйста, *немедленно сожгите* это письмо, и будьте уверены в моем искреннем уважении к Вам. Я благодарна Вам за всю ту доброту, с которой Вы относились к нему в прошлом.

Зина Фэй Пирс⁴⁴

В письме Зины содержится удивительно точный анализ слабостей характера ее мужа. Паттерсон думал так же, положив это письмо в папку, несмотря на просьбу Зины сжечь его, и красноречиво-патриархальный протест Бенджамина Пирса: «Понятно же, что письмо Зины — это проявление ее раздражительности, простим же ей эту несдержанность, ибо таково одно из развлечений женщин. Оно столь же безобидно, как светлячок, и не зажжет самую горячую марлю».⁴⁵

⁴⁴ MFP to CPP, 15 December 1875, N A, COS, Private Correspondence, 1874–1877.

⁴⁵ BP to CPP, 6 January 1876, NA, CGS, Private Correspondence, 1874–1877.

Хотя он продолжил занятия маятниковыми исследованиями и европейской геодезией, уход Зины поверг Пирса в глубокое уныние. Разобраться с расходами было невозможно, часть приборов была разбита, и в довершение всего Французская Академия продолжала считать его несерьезным американцем, отказываясь предоставить ему лабораторную базу, необходимую для продолжения его маятниковых исследований. В октябре 1875 года его личные средства и кредит подошли к концу, и ему пришлось готовиться к возвращению домой, не завершив исследования. Он писал директору Паттерсону:

Боюсь, что прежде чем это письмо придет к Вам, я должен буду поведать о своем положении нашему министру, находящемуся здесь, и попросить его выделить помощь из его частных средств.

Я честно работал. В течение двух последних месяцев я отдыхал только по воскресеньям. Я завершил целый ряд экспериментов в Женеве, и Международная геодезическая конференция единодушно одобрила мою работу в Европе и пожелала, чтобы она была завершена. У меня действительно руки не доходили до отчетов, но на 1 сентября пришелся самый разгар работы, которую нельзя было прерывать, и я не смог завершить довольно большой отчет о своей деятельности. Убежден, что я полностью выполнил свои обязанности здесь и что мне удалось удержаться от соблазнов путешественника.

Думаю, что было бы ошибкой позволить мне вернуться домой, оставив всю работу в нынешнем состоянии. Но сам я больше не в состоянии ее оплачивать. Я не могу покрыть свои расходы, не зная, как обстоят дела с моими кредитными поручительствами. И потому я вынужден обратиться к Вам, чтобы получить ответ на свой вопрос. Не знаю, почему Вы не ответили на него раньше, но я по-прежнему полностью уверен в Вашем дружеском расположении.⁴⁶

Паттерсон пытался ответить, но сделать ему этого не удалось из-за отсутствия адреса, по которому следовало переправлять письма. Одновременно с письмом от 1 октября Пирс послал телеграмму следующего содержания: «Будут ли расходы партии оплачены золотом? Пирс». Паттерсон ответил: «Расходы — золотом, жалование — валютой. Писал вам 26 июля в Берлин». Через несколько дней телеграфная компания сообщила Паттерсону, что Пирса в Париже найти не удалось. В течение одиннадцати месяцев — с апреля 1875 года, когда Пирс прибыл в Англию, по февраль 1876 года — связаться с ним не удавалось.⁴⁷ Кажется невероятным, что Паттерсон так долго не мог с ним связаться, но все было именно так. Останься Зина со своим мужем, она без труда бы решила эту проблему, как уже бывало не раз в подобных обстоятельствах. По-видимому, Пирс не понимал, что Паттерсон должен был отвечать на его безумные послания, и ни разу не подумал о том, чтобы свериться с первоначальной договоренностью или послать Паттерсону новый адрес. Вопросы, связанные с расходами Пирса, окончательно были улажены только год спустя, в феврале 1877 года. Сделать это удалось, выделив Пирсу 2.000 долларов на понесенные им дополнительные расходы и заставив его возместить из своего кармана стоимость испорченного оборудования и значительную часть средств, потраченных на тот образ жизни, который он вел. Если верить директору Паттерсону, для улаживания этого вопроса при-

⁴⁶ CSP to CPP, 1 October 1875, NA, CGS, Assts., 1866–1875.

⁴⁷ BP to CPP, 3 February 1876, NA, CGS, Private Correspondence, 1874–1877.

шлось прибегнуть к определенным финансовым махинациям.⁴⁸ Все это не более чем крайний пример неспособности Пирса решать обыкновенные практические вопросы.

К счастью для Пирса, его друг Уильям Джеймс упомянул о том, что его брат Генри находился в то время в Париже, и Пирс писал, что его «присутствие здесь очень важно для меня, поскольку я одинок и крайне подавлен».⁴⁹ Генри рассказывал брату, что видел

Чарльза Пирса, прекрасно одетого и т.д. Он занимается качанием маятника в обсерватории и думает, что парижские ученые его игнорируют. Мы встречаемся каждые два-три дня, чтобы пообедать вместе; и хотя нам обоим приятно, наша симпатия скорее материальная, чем интеллектуальная.⁵⁰

Переписка между братьями не прекращалась, и Уильям давал кое-какие советы о том, как следовало обращаться с его неживучим другом:

Удивлен, что ты попал в лапы Ч.С. Пирса, которого, я думаю, ты считаешь довольно неподходящим компаньоном, тяжелым и колючим, но для нормального общения с ним его нужно хорошенько «выпороть»: стой на своем, перечь ему, упрямься, подшучивай над ним, и тогда он станет таким же приятным, как и все остальные; но если ты испытаешь благоговейный страх перед его сентенциозной манерой речи и его парадоксальными и малопонятными заявлениями, если задумаешься об этом, то ты никогда не будешь чувствовать себя с ним непринужденно, как это было со мной до тех пор, пока я не стал относиться к нему более или менее иронично. Признаюсь, я люблю его, несмотря на все его странности, потому что он – гениальный человек и в нем есть нечто, способное вызывать симпатию у любого.⁵¹

Знакомство Пирса и Генри Джеймса продолжилось с перерывами и в следующем году; Генри писал своему брату, что он встречал

немного людей, с которыми был бы так близок... Кстати о «близости» – Чарльз Пирс уехал на неделю в Берлин. Мать говорит, что моя близость с ним тебя «здорово» веселит. Но за последние два месяца никакой близости не было, я почти не виделся с ним. Он очень хороший товарищ, и нужно ценить его умственные способности, но у него почти совсем отсутствует дар общения, ему трудно быть милым с другими. Но здесь он вел одинокое и тоскливое существование и, я думаю, ненавидел Париж. Я делал все, что было в моих силах, чтобы составить ему компанию.⁵²

В письме, где описывается их последняя встреча, в июле 1876 года, Генри говорит, видимо, следуя совету своего брата, что несколько раз встречался с Пирсом

и наслаждался его отличным глубоким умом, отражавшимся в его горящих глазах. Наверное, это тебя развеселит, но он страстный поклонник «Родерика Хадсона»: расположение, которое мне льстит. Он написал мне об этом несколько дней тому назад из Обсерватории Кью в Ричмонде, где он, кажется, живет, – очаровательное место.⁵³

⁴⁸ CPP to BP, 6 February 1877, CSPP, HU.

⁴⁹ CSP to WJ, 21 November 1875, James, HU.

⁵⁰ HJ to WJ, 3 December 1875, James, HU.

⁵¹ WJ to HJ, 12 December 1875, James, HU.

⁵² HJ to WJ, 14 March 1876, James, HU.

⁵³ Ibid., 4 July 1876, James, HU.

Со своей стороны, Пирс писал Уильяму:

Часто встречаю твоего брата. Он прекрасный товарищ. Я очень восхищаюсь им и нашел в нем только два недостатка. Один заключается в том, что он со всем спорит, а другой – в том, что он, в отличие от меня, не любит долго рассматривать вопрос со всех сторон, а стремится покончить с ними. Черта, конечно, мужественная, но не философская. Он выглядит лучше, чем когда только приехал, и Париж – это место для него; он и Париж созданы друг для друга.⁵⁴

Уже в этой неразберихе Чарльз получил письмо от своего отца, где тот сообщал ему, что Уильям Джеймс в ноябре отрекомендовал его ректору созданного в этом году Университета Джона Хопкинса Дэниелу Койту Гилману в качестве лучшего ума страны после скончавшегося Чонси Райта.⁵⁵ Пирса уже посоветовали на роль преемника Уинлока в Гарвардской обсерватории. Пирс сразу написал ответ своему другу Джеймсу, объяснив, насколько его порадовала эта возможность заняться философией, которая была единственным, что его по-настоящему интересовало:

Я узнал от своего отца, что ты написал превосходное письмо ректору Балтиморского университета, предложив меня на должность профессора логики, и интересовался, готов ли я согласиться.

На этот вопрос невозможно ответить, исходя из той информации, которой я обладаю. Мне неизвестны условия.

Мое место в Береговой службе меня устраивает. У меня большие сложности с исследованием качания маятника, и Дядя Сэм потратил кучу денег на мое обучение. Это очень сложное занятие. Не знаю, смогу ли я достойно уйти сейчас из Береговой службы. Думаю, что именно сейчас я не смогу.

С другой стороны, полагаю, что в должности профессора логики я смог бы проявить свои лучшие способности, которые никогда не удастся применить где бы то ни было. В другом месте, в обсерватории или где-то еще, я всегда буду посредственностью, что не сильно меня тревожит. Хотя я не сомневаюсь, что на кафедре логики я получу определенную известность и оставлю после себя определенные идеи, которые, в конечном итоге, окажутся весьма полезными. Мне не очень понятно, чем я должен заниматься. Но если в ближайшее время я не сменю свою профессию, я не сменю ее никогда. Вообще, пусть этот вопрос решит моя жена, ведь она человек практический.⁵⁶

Несмотря на эту неуверенность, желание принять участие в университетской жизни тогда едва не возобладало в нем. Если бы он не был прекрасно осведомлен о том, что жена обвиняла его в безответственности во время работы в Береговой службе, и не надеялся укрепить свой ослабший брак, он мог бы присоединиться к Университету Джона Хопкинса уже в 1876 году, а не три года спустя.

В январе 1876 года директор Паттерсон написал письмо, которого от него добивалась Зина, и оно заставило Пирса вспомнить о своих обязательствах перед Береговой службой. Он написал Паттерсону, что, хотя его рекомендовали в Университет Джона Хопкинса, он не станет рассматривать предложение; но он всерьез предложил назначить его редактором монументального пятитомного «Исследования по определению силы тяжести», ко-

⁵⁴ CSP to WJ, 16 December 1875, James, HU.

⁵⁵ WJ to DCG, 25 November 1876, Gilman, JHU.

⁵⁶ CSP to WJ, 16 December 1875, James, HU.

торое так и не было завершено.⁵⁷ Предложенный Пирсом проект понравился и Паттерсону, и его отцу, и был утвержден еще до того, как Пирс покинул Париж, перебравшись в Берлин.

В мае 1876 года Пирс перенес серьезное нервное расстройство, основным симптомом которого был временный, но полный паралич. Расстройством это, в сочетании с его безответственностью, излишней чувствительностью и склонностью пасовать перед трудностями, указывает на то, что Пирс перенес приступ конверсионной истерии, основным симптомом которой и является полный паралич.⁵⁸ Болезнь была не органической, а психосоматической. Жертва, неспособная сопротивляться, впадает в полное физическое бессилие. В июле Бенджамин писал Паттерсону, что Чарльз «испытал очень странный и неожиданный приступ — у него не было сил пошевелиться. [Сейчас] его здоровье, кажется, пошло на поправку, хотя у него был еще один приступ *обездвиженности*».⁵⁹ Согласно описанию Чарльза, эти приступы сопровождалась «высокой чувствительностью и мышечными сокращениями», что также симптоматично.⁶⁰ Такого рода приступы случались дважды в 1876 году, один раз в 1877 году и один раз в 1879 году. В 1880 году он добровольно прошел курс лечения от возможного безумия, а позднее он также страдал от фуг⁶¹, о трех случаях которых он рассказал Джеймсу в 1904 году.⁶² В то же самое время он не переставал страдать от резкой смены настроения и сильной боли от лицевой невралгии.

Вероятно, если принять во внимание его крайне эмоциональный и импульсивный характер, Пирс был подвержен конверсионной истерии. Напряжение было высоким. Он был один, в чужой стране, всеми силами стараясь соответствовать своей блестящей репутации и сохранить репутацию своего отца и Паттерсона, убеждая ведущих европейских геодезистов в своих способностях, что само по себе было крайне трудным, если не донкихотским предприятием. Помимо работы в Береговой службе, он проводил важное исследование, которое должно было составить основную часть его «Фотометрических исследований». Он никак не мог разобраться с расходами и много задолжал двум банкам, отчасти из-за своей расточительности и небрежного отношения к приборам. Его выдвигали на две должности, директора Гарвардской обсерватории и профессора логики в Университете Джона Хопкинса, весьма привлекательные для него, но, несмотря на его заявления об обратном, все портила его преданность Береговой службе. И последним ударом было то, что жена, от которой он очень сильно зависел в эмоциональном отношении, оставила его.

⁵⁷ CSP to CPP, 13 January 1876, NA, CGS, Assts. N-Z, 1876.

⁵⁸ Arieti, 272.

⁵⁹ BP to CPP, July 1876, NA, CGS, Private Correspondence, 1874–1877.

⁶⁰ CSP to CPP, 6 July 1876, NA, CGS, Assts. N-Z, 1876.

⁶¹ Фуга — диссоциативное расстройство личности, при котором индивид оставляет прежние место проживания и работу и принимает новую идентичность, будучи не в состоянии вспомнить прежнюю. Подобное расстройство встречается крайне редко и возникает под воздействием стресса, а выздоровление происходит так же быстро и неожиданно, как и само возникновение фуги. — Прим. перев.

⁶² CSP to WJ, 1 April and 17 December 1904, James, HU.

Реакцией Бенджамина Пирса на болезнь сына стали обвинения в адрес Зины в том, что она бросила его в Европе, и призывы вернуться к нему. В середине июля Пирс уже был достаточно здоров, чтобы продолжить работу и начать подготовку к возвращению в Соединенные Штаты. Хотя врач, который наблюдал его во время первого приступа, во всем винил переутомление, в больших письмах к Паттерсону и своему отцу Пирс утверждал, что то, что он называл своей «болезнью нервов», было результатом не столько переутомления, сколько разрыва с женой.⁶³

Считая эмоциональное напряжение причиной своего психического расстройства, Пирс придавал особое значение своей психической неустойчивости, преследовавшей его всю жизнь. Его семья, после некоторых размышлений, возложила вину за его психическое расстройство на чрезмерное употребление алкоголя, обвинение, которое сам Пирс отвергал категорически.

8 августа 1876 года по настоянию отца Чарльз и Зина отбыли в Бостон, чтобы отдохнуть и поправить здоровье. Некоторые исследования остались незавершенными, но в целом он был удовлетворен результатами и убежден в успехе своей экспедиции. Паттерсон и отец были довольны и полны энтузиазма. Он доказал себе и Береговой службе, что он овладел гравиметрической наукой. Он занимался качанием маятника на основных европейских станциях и получил данные, которые связали опыты Береговой службы с качанием маятника с международной геодезической практикой и создали основу для организации первых американских станций. Но самым главным было то, что он, показав, что прогиб опоры маятника был причиной серьезных ошибок при измерении, завоевал внимание и уважение ведущих европейских специалистов в данной области. Паттерсон решил не придавать значения расточительности Пирса; он пришел к выводу, что его поездка по Европе была особенно успешной для репутации Береговой службы, и все факты свидетельствовали о правильности этого вывода.

В новом году положение Пирса почти не улучшилось, к тому же, у него возникли серьезные трения с ректором Гарварда Элиотом относительно публикации его книги «Фотометрические исследования». В ней он впервые предложил использовать относительную яркость в качестве средства для определения приблизительной формы галактики и распределения звезд в ней, основываясь на наблюдениях, которые были сделаны им, когда он работал ассистентом в Обсерватории, и существующих каталогах звездного неба, наподобие тех, что были составлены Птолемеом и Тихо Браге. Пирс придавал особое значение этой публикации, своему первому крупному вкладу в передовые научные исследования, открытию, которое получило благосклонную оценку в Англии со стороны Уильяма Кингдона Клиффорда.⁶⁴

Отношения Пирса с обсерваторией осложнились за год до смерти директора Уинлока из-за конфликта между Элиотом и Уинлоком. Став ректором Гарварда, Элиот, стремясь поставить под свой контроль весь университет, хотел установить прямое управление и над Обсерваторией, прибегнув за помощью к Береговой службе, во главе которой стоял тогда Бенджамин Пирс. Уин-

⁶³ CSP to BP, 29 July 1876, CSPP, HU.

⁶⁴ *Fortnightly Review* 23 (1875): 788–89.

лок, стремясь оставаться как можно более независимым от гарвардской администрации, дал серьезный отпор. Затем Элиот попытался заставить Чарльза Пирса подать в отставку, прекратив выплату жалования, когда он целый год провел в Европе в качестве представителя Береговой службы (и обсерватории) в 1870–1871 годах.⁶⁵ Такое поведение убедило Пирса во враждебном отношении к нему со стороны Элиота.

Когда в 1872 году Пирс заступил на должность помощника в Береговой службе, он уволился с поста помощника в обсерватории, но он договорился с Уинлоком о завершении своих фотометрических исследований за 1.200 долларов.⁶⁶ (Пирс числился в списках обсерватории в качестве ассистента до смерти Уинлока в 1875 году). Ко времени его отъезда в Европу в 1875 году, стало очевидно, что первоначальной суммы будет недостаточно, и тогда Пирс и Уинлок договорились, что обсерватория заплатит Пирсу 500 долларов и выделит ему помощника для сверки текста и просмотра европейской периодики. Также они обсуждали возможность увеличения суммы до 1.200 долларов. Уинлок умер, не сказав Элиоту об этом соглашении, а Пирс не позаботился о том, чтобы прояснить с ним этот вопрос. Пирс объяснил свою бездеятельность в письме Паттерсону, сказав, что он не думал, что Элиот «согласится на какие-то предложения относительно их [“Фотометрических исследований”]».⁶⁷ Последующий шестилетний конфликт между ними подорвал профессиональную жизнь Пирса, потому что, как заметил Джеймс, «он сам себе напортил в Гарварде, вызывая неприязнь у Элиота».⁶⁸ Эта ссора также проливает свет на характеры этих двух мужчин и господствовавшую в то время идеологию образования.

С 1870 года до своей смерти Уинлок последовательно поддерживал Пирса в пику Элиоту не только из-за глубокого уважения к Пирсу-старшему и восхищения астрономическими исследованиями Чарльза, но и из-за стремления сохранить свое автономное положение в рамках управленческой структуры университета. Хотя поначалу положение Пирса было достаточно защищенным, он все же стал сомнительной фигурой для Элиота, а после смерти Уинлока, пока Пирс был в Европе, наступил двухлетний период, в течение которого не было никого, ответственного за обсерваторию, а потому ни с кем, кроме Элиота, Пирс эти вопросы обсудить не мог. Вместо того чтобы сообщить Элиоту о договоренности, достигнутой между ним и Уинлоком, согласно которой обсерватория должна была оказать ему помощь в публикации его «Фотометрических исследований» в Европе, Пирс промешкал и совершил ошибку, посчитав, что договоренность, о которой Элиот ничего не знал, была все еще в силе. Таким образом, у Элиота появилась возможность, которая была нужна ему, чтобы отказать Пирсу в оказании дальнейшей помощи. Через месяц после смерти Уинлока Пирс писал Артуру Серлю, секретарю обсерватории:

Считаю важной немедленную публикацию фотометрических исследований. Цель их заключается не только в том, чтобы поведать астрономическому миру факты, но и в

⁶⁵ SMP to BP, 22 June 1870, CSPP, HU.

⁶⁶ JW to CSP, 2 February 1873, Winlock, HU.

⁶⁷ CSP to CPP, 7 January 1876, N A, CGS, Private Correspondence, 1874–1877.

⁶⁸ WJ to G. H. Howison, 2 April 1894, цит. по: Perry, vol. 2, 117.

том, чтобы привить идеи. Если будет достаточно времени, чтобы переварить их прежде, чем в фотометрическом желудке окажется еще что-то важное, то я питаю надежду, что они смогут оказать определенное влияние на нынешние изыскания в этом направлении...

Согласно моей договоренности с профессором Уинлоком, в соответствии с которой ваше письмо призывает меня действовать и дальше, вчера я прибыл в Лейпциг и обратился к Энгельманну, крупнейшему издателю таких вещей в мире, чтобы составить смету расходов на печать фотометрических исследований. Его сын, который является не только профессиональным астрономом, но и на практике знаком с фотометрией, вычитал бы корректуру *con amore*. Смету прилагаю...

Пожалуйста, поставьте вопрос перед правлением обсерватории и телеграфируйте мне через Маккалоха в Лондоне просто «да», если с моим предложением согласны, или добавьте несколько слов, наподобие «стерео» и т.п., если мой план должен быть изменен. Вы говорите, что мистер Элиот хочет печатать все сразу. Так будет намного лучше, к тому же, здесь делают дешевле и быстрее.⁶⁹

Отношения Элиота и Пирса еще более осложнились из-за того, что его так настойчиво рекомендовали сделать преемником Уинлока на посту директора обсерватории. Конечно, Пирс находился в двойственном положении, но когда он узнал, что его кандидатуру без промедления отвергли, он укрепился в убеждении, что враждебно относился к нему только Элиот; он не сознавал глубину неприятия со стороны отдельных членов Гарвардской ассоциации, которое было вызвано отчасти его репутацией атеиста, а отчасти недвусмысленно выраженным неодобрением со стороны семьи Зины. То, что, по мнению Пирса, было враждебностью со стороны Элиота, на самом деле, скорее всего, было следствием подозрительного отношения, которое сформировалось у него насчет «неуживчивого» характера Пирса за те годы, когда Пирс был его студентом в Лоуренсовской научной школе. Во время склок по поводу издания «Фотометрических исследований» эти подозрения переросли в открытую неприязнь и недоверие.

Со своей стороны, Пирс выказывал презрение к Элиоту, во многом отражавшее нелестные отзывы его отца об умственных способностях Элиота. Другие близкие к Пирсу люди, например Уильям Джеймс, отмечали, что Элиот был назначен ректором, несмотря на «его серьезные личные недостатки, бестактность, назойливость и склонность раздражаться по мелочам...».⁷⁰ По мнению Джеймса, высказанному им еще в 1864 году, критерием избрания нового члена гарвардского факультета была, прежде всего, «благонадежность» претендента, ортодоксальность во взглядах. Хотя Чарльз Элиот был первым неклирикальным ректором Гарварда, неортодоксальность его взглядов ограничивалась лишь принятием ортодоксального социал-дарвинизма. Сократический ум, как, например, у Пирса, наслаждавшийся проверкой любой идеи и последующим спором, к чему бы он ни привел, неизбежно должен был пробудить подозрения у Элиота. В своем панегирике Бенджамину Пирсу Элиот вспоминал тот момент, когда он отказался от самостоятельного мышления:

Однажды на старших курсах, когда, к великому неудовольствию моего соперника за первое место в группе (я был вторым), у профессора Пирса уже вошло в привычку

⁶⁸ CSP to Arthur Searle, 17 July 1875, Pickering, HU.

⁷⁰ WJ to HJ, 22 May 1869, цит. по: Perry, vol. 1, 296.

ставить мне самые высокие отметки за все мои замечания по поводу его лекций и прочие занятия, предполагавшие выставление оценок, я рискнул сказать, что то, что он только что рассказал нам о функциях и бесконечно малых переменных, на мой взгляд, было, скорее, отвлеченной теорией или плодом воображения, нежели неоспоримым фактом. Профессор Пирс серьезно посмотрел на меня и мягко заметил: «Элиот, ваша беда в том, что ваш ум устроен скептически. Сдерживайте эту склонность, или она повредит вашей карьере». Мне это показалось неожиданным, потому что я никогда не думал об устройстве своего ума. Диагноз был точен.⁷¹

То, что отцу Чарльза пришлось невольно — и вопреки своему саркастическому намерению — убедить Элиота в том, что скептицизм был нравственным недостатком, нельзя не признать превосходной иронией. В то время, когда ректором Принстонского университета был такой поборник протестантизма, как Джеймс Маккош, а точные его копии возглавляли почти все американские колледжи; когда изучение религии, логики, этики, истории, естественных наук и философии старательно ограничивалось «благонадежными» курсами и преподавателями, «колючий» Пирс действительно был невозможным коллегой для Элиота и ему подобных. В этом он был такой же жертвой своего времени, как Чонси Райт, Джон Фиск, Фрэнсис Эббот и другие. Профессорство Уильяма Джеймса в Гарварде можно объяснить только его выдающимися личными качествами, но при назначении даже такой удивительной личности значительную роль сыграли его занятия медициной в Германии. Итак, помимо личных недостатков, справедливо отмеченных ректором Элиотом, действительную обеспокоенность вызывало упорное стремление Пирса к истине, не принимающее в расчет традиционные святыни.

Склока по поводу издания «Фотометрических исследований», безусловно, способствовала превращению подозрительного отношения Элиота к Пирсу в открытую неприязнь. В январе 1877 года Эдвард К. Пикеринг, который работал ассистентом в обсерватории и был знаком с Пирсом уже по крайней мере десять лет, был назначен директором обсерватории. Пирс тотчас же обратился к нему с просьбой о встрече в надежде уладить сложности с жалованием и публикацией. Отчитываясь Элиоту о встрече, Пикеринг весьма высоко оценил работу Пирса. Он говорил, что, будь Уинлок жив, он наверняка бы согласился выделить Пирсу для завершения работы еще 1.200 долларов, но сам Пикеринг не считал это возможным из-за нехватки денежных средств у обсерватории.⁷² Потом Пикеринг предложил Пирсу небольшую сумму из средств обсерватории и пообещал попробовать добыть еще денег в Румфордском комитете. В ответ Пирс грубо дал понять, что он чувствует себя обманутым. Возможно, необоснованные подозрения Пирса были вызваны не столько осознанием денежных потерь, сколько раздутыми Элиотом сомнениями в его профессиональной компетентности. Тогда Пикеринг предложил Пирсу прекратить работу над «Фотометрическими исследованиями». Пирс обратился к Элиоту: «Издание моих “Фотометрических исследований” задержано на долгое время из-за моей неспособности спокойно договориться с профессором Пикерингом об их продолжении», об-

⁷¹ Archibald, 2.

⁷² ECP to CWE, 20 January 1877, Eliot, HU.

винение, не соответствующее действительности.⁷³ Элиот ответил кратко, что при таких обстоятельствах «кажется вполне очевидным, что вам не следует больше утруждать себя подобными описаниями».⁷⁴

Между тем, по просьбе Элиота Пикеринг провел исчерпывающее изучение бумаг обсерватории, чтобы установить, действительно ли у Пирса была договоренность с Гарвардом. По результатам поиска стало очевидно, что отношения между Пирсом и Уинлоком часто были неофициальными, но в то же самое время Пирс вправе был ожидать предоставления ему по меньшей мере 500 долларов и помощника для завершения книги.⁷⁵

Ответ Пирса на письмо Элиота был шедевром уязвленного самолюбия, в котором он писал, что Пикеринг нанес ему такое оскорбление, которое он не сможет простить никогда. И выразительно добавил:

Во всяком деле есть качество труда, которое нельзя купить за деньги, которое нельзя оплатить соразмерно, которое зачастую остается неоплаченным вовсе, потому что работник не станет торговаться о нем. И мой фотометрический труд — это труд такого рода. Конечно, человек, делающий подобную работу, в каком-то смысле глупец; но потом университеты поддерживают ее.⁷⁶

Элиот резонно ответил, что если такие качества нельзя купить за деньги, то он не видит никаких причин для того, чтобы Гарвард тратил свои силы для улучшения репутации Пирса. В самом разгаре этой перебранки Пикеринг написал Пирсу, испрашивая его разрешения, как представителя Береговой службы, разобрать и отправить на склад небольшую обсерваторию, оборудованную на территории колледжа Береговой службой несколькими годами ранее и никогда не использовавшуюся. Пирс тотчас же предположил, что в этом письме было выражено еще большее неуважение к нему, и сообщил Пикерингу, что он написал письмо Элиоту, «чтобы лучше уяснить намерения колледжа, о которых мне стало известно из вашей записки».⁷⁷ Элиот чрезвычайно учтиво ответил, что в просьбе Пикеринга не было никаких скрытых мотивов, и сделал вывод, что раздражение Пирса не имело под собой никаких оснований.⁷⁸ Эта мелочная, но имевшая большое значение склока протянулась до лета 1878 года, когда «Фотометрические исследования» были, наконец, изданы Энгельманном в том виде, на котором настаивал Пирс (но без дополнительного вознаграждения ему), в качестве двенадцатого тома «Анналов» Гарвардской обсерватории. Последний скандал был связан с предисловием, написанным Пирсом для этого тома и встреченным в штыки Элиотом из-за того, что в нем не было ни слова благодарности в адрес Уинлока, который так долго поддерживал этот труд, или Гарварда, который его профинансировал, но зато возносились непомерные хвалы Береговой службе, которая не имела к этому предприятию никакого отношения. Он писал Элиоту:

⁷³ CSP to ECP, 6 April 1877, Pickering, HU; CSP to CWE, 25 April 1877, Eliot, HU.

⁷⁴ CWE to CSP, 27 April 1877, Eliot, HU.

⁷⁵ ECP to CWE, 20 January 1877, Eliot, HU.

⁷⁶ CSP to CWE, 11 May 1877, Eliot, HU.

⁷⁷ Ibid., 25 May 1877, Eliot, HU.

⁷⁸ CWE to CSP, 29 May 1877, Eliot, HU.

Высылаю вам предисловие к моим «Фотометрическим исследованиям». В нем я не могу согласиться ни на какое изменение основного содержания.

Я никогда не был ассистентом в обсерватории. Мое имя по ошибке было указано в одном из списков, но я обратил ваше внимание на ошибку, и этого больше не повторилось. [На самом деле он был ассистентом с 1869 по 1873 год и ошибочно числился в списках лишь с того времени до декабря 1875 года].

Все исследование принадлежит мне, его идея, план, исполнение — все. Я не обязан профессору Уинлоку ни в чем, кроме того, что он был директором обсерватории, для которой оно было выполнено. Действительно, я испытываю к нему личную признательность, но я выражу это чувство по-своему и в свое время [чего Пирс никогда не сделал].⁷⁹

Ожидать от ректора Элиота, чтобы после такого он не испытывал к Пирсу неприязни и подозрений, было бы слишком. В 1878 году он также узнал об уходе от него Зины и о причинах этого ухода в изложении семьи Фэй, выставившей Пирса в дурном свете. Пирс явно не придавал большого значения тому обстоятельству, что Элиот был одной из наиболее влиятельных фигур в системе американского высшего образования. После этого любое обращение к Элиоту за сведениями, связанными с работой Пирса в университете, вызывало искреннее возмущение Элиота.

В октябре 1876 года Пирс перебрался в Нью-Йорк, чтобы провести необходимые приготовления для первой маятниковой станции в Соединенных Штатах, созданной в Институте Стивенса в Хобокене, штат Нью-Джерси. В институте была превосходная лабораторная база и лучшие преподаватели физики, в том числе Льюис М. Резерфорд, сконструировавший дифракционную решетку, которую Пирс собирался использовать в своих экспериментах. Зина не поехала со своим мужем, и они никогда больше не были вместе, хотя Чарльз какое-то время продолжал надеяться на примирение. Он писал ей из Нью-Йорка весной следующего года:

Моя девочка! [Ей было сорок лет, причем она оставалась истовой феминисткой]. Если бы ты решила приехать сюда, Бертс [младший брат Герберт], несомненно, прибрал бы мои вещи, и, смею предположить, тебе бы здесь понравилось. Мы взяли бы на время кровать в мебельном магазине или привезли бы ее из Вашингтона. Так как ты не ответила на мою телеграмму, я хотел вернуться сегодня вечером, но меня убедили не делать этого. Я потрудился на славу: написал большую статью [«Закрепление верования»] для *Popular Science Monthly* и начал еще одну [«Как сделать наши идеи ясными»]. Поэтому я и решил остаться, хотя я тоскую по дому и очень хочу увидеть мою любимую, милую и дорогую женушку... Дай мне знать, приедешь ли ты сюда сама или же хочешь, чтобы я вернулся.⁸⁰

Если рассматривать решение Зины навсегда расстаться со своим мужем в свете той эпохи, то оно было удивительно новым для тогдашнего феминизма и полностью шло вразрез с ее набожным новоанглийским окружением. Несомненно, она знала о цене, которую придется заплатить за свой решительный поступок, и, несомненно, ее строгие моральные принципы требовали, чтобы она ее заплатила. Ей было сорок лет, и она состояла в браке с Чарльзом пятнадцать лет. То, что она бросила мужа, с юридической точки зрения мог-

⁷⁹ CSP to CWE, 26 April 1878, Eliot, HU.

⁸⁰ CSP to MFP, [April] 1877, цит. по: Atkinson, 145–46.

ло рассматриваться только как оставление мужа, поэтому, не имея собственных средств, она столкнулась с бедностью и изгнанием из своего мира, а поскольку ее принципы не предполагали развода, вступить в новый брак она не могла. Более важной причиной поступка Зины, чем даже все ее подозрения относительно неверности мужа и опыт дурного обращения с ней, его безответственность и расточительность, было ее нежелание и дальше наблюдать за тем, как он бездумно попусту себя растрчивает. Зная в душе, что она стала причиной его страданий от невралгии, его пугающей переменчивости настроения и опасной зависимости от наркотиков, которую все труднее становилось контролировать, такой судьбоносный шаг, должно быть, казался ей единственным выбором. В то же самое время, Зина прекрасно знала, насколько сильно он от нее зависел, и, как следует из ее объяснения Паттерсону, она, должно быть, надеялась на то, что ее отъезда из Европы годом ранее будет достаточно для того, чтобы заставить его задуматься о своем поведении. Но этого не произошло, и она оставила его навсегда.

Сара писала брату Чарльзу Джемму о своем недоумении и переживаниях по поводу этой стороны жизни своего сына:

Мне грустно думать об этих двух разрушенных жизнях... Чарли казался мне таким любящим, таким внимательным и чутким. Не думаю, что все дело в нем. Да... Жизнь полна печали, и если бы не могли найти утешения в любящих сердцах, мы не смогли бы вынести ее бремени.⁸¹

Что касается Зины, то она с еще большим пылом обратилась к эмансипации американских женщин. В предисловии к своей книге «Нью-Йорк: симфоническое исследование» она говорила, что написать эту книгу ее подвигло стремление

...спасти свой пол от осквернения и поругания...

Ибо неоскверненная женственность — основа республиканских учреждений. Оскверненная и поруганная женственность предполагает грубую и чувственную мужественность, а грубая и чувственная мужественность во все века и во всех странах мира означала деспотическое правление — многими, в определенной форме, определенными средствами, правила немногие.⁸²

Несколько месяцев Зина прожила в доме на Эрроу-стрит в Кембридже, а затем переехала в Нью-Йорк, где открыла первые пансионы, обеспечившие ей основной доход. Сестра Чарльза Элен и его брат Герберт время от времени навещали ее в Нью-Йорке. Какое-то время деньги приносило написание статей для журналов. Она подготовила к печати книгу под названием «Изучение музыки в Германии», составленную из писем ее сестры Эми, которая выдержала несколько изданий.⁸³ Жизнь ее становилась все более одинокой и несчастной. Несмотря на то что она страдала от сердечных болезней и повторяющихся приступов глубокой депрессии, Зина продолжала заниматься проблемами женщин и одержимо работать над своим романом («Нью-Йорк»), переписывая его снова и снова, пока, наконец, спустя сорок лет, в 1918 году, он не был опубликован. Через пять лет после его выхода в свет она умерла.

⁸¹ SMP to JMP, 25 August 1877, CSPP, HU.

⁸² Melusina Fay Peirce, 5.

⁸³ Fay, *Music Study in Germany*.

В 1878 году в своей статье «Как сделать наши идеи ясными» Чарльз обнаружил то, что производило впечатление трогательной публичной и в то же самое время загадочной элегии о браке:

Многие годами лелеяли, как свою излюбленную забаву, смутную тень идеи, слишком бессмысленную для того, чтоб быть позитивно ложной; тем не менее они страстно любили ее, считали ее своим неразлучным спутником в любое время дня и ночи и отдавали ей все свои силы и всю свою жизнь, ни мало не обращая при этом внимания на все прочие дела; короче говоря, они жили для нее и ради нее, пока она не стала, как это обычно и случается, плотью от их плоти и костью от их кости. А потом, проснувшись одним прекрасным утром, они обнаружили, что она исчезла, подобно красавице Мелузине из легенды, а вместе с ней — и смысл всей их жизни. Я сам знавал такого человека; и кто знает, сколько биографий искателей квадратуры круга, метафизиков, астрологов и кого угодно еще отражается в этой немецкой легенде.⁸⁴

В позднесредневековой легенде, вызывающей символические и психоаналитические толкования, говорится о том, как Мелузина, фамильный призрак благородного дома Лузиньян близ Пуатье и старшая дочь феи Пэрсин, заточила своего отца в скалу в Нортумберленд за то зло, которое он причинил ее матери. В наказание она была приговорена каждую субботу превращаться в женщину-змею. Она могла избавиться от этого наказания и обрести душу, лишь встретив мужа, который поклялся бы никогда не смотреть на нее по субботам. Она влюбилась в Раймонда, племянника графа Пуатье, которого при помощи своих интриг она сделала известным и богатым, построив замок Лузиньян и другие родовые крепости. У этой пары было шесть сыновей, причем все они были уродами, страшно непохожими друг на друга. Конечно, Раймонд не смог устоять перед своим любопытством и, подсмотрев через замочную скважину, увидел сложный ритуал ее субботнего очищения, после чего она превратилась в ужасного дракона и с чудовищным шумом улетела из крепости.⁸⁵ Независимо от того, что за тайну Зины узнал Чарльз, метафора, бесспорно, была очень злой и Зина прекрасно знала эту легенду.

С другой стороны, гравиметрические работы, проводимые Пирсом для Береговой службы, по-видимому, продвигались успешно, к вящему удовольствию Паттерсона и отца. В феврале 1877 года вопросы, связанные с расходами во время поездки в Европу, были улажены, а через месяц в Институте Стивенса он, не без раздраженных споров с частью профессуры, взялся за проведение маятниковых экспериментов.⁸⁶ Там, помимо своих гравиметрических экспериментов, Пирс приступил к созданию того, что было названо им «измерителем спектра» (спектрометр), с использованием сконструированной физиком Льюисом М. Резерфордом из Института Стивенса дифракционной решетки, при помощи которого он намеревался более точно, чем при использовании существующих приборов, установить точный стандарт для метра, использовав длину волны света натрия.⁸⁷ Несмотря на его явную

⁸⁴ Пирс Ч.С. *Избранные философские произведения*. М., 2000. С. 271.

⁸⁵ Baring-Gould, 206-258.

⁸⁶ CSP to CPP, 2 April 1877, NA, CGS, Assts. H-Q, 1877.

⁸⁷ CPP to BP, 21 and 28 April 1877, Benjamin Peirce Papers, HU; BP to Patterson, 16 April 1877, NA, CGS, Private Correspondence, 1874–1877.

удовлетворенность своим положением в Береговой службе, в июне 1877 года Пирс грозился оставить ее. Эта угроза заставила Паттерсона написать отцу Пирса сердитое письмо:

Твой мальчик Чарли здорово докучает мне, и я бы хотел, чтобы ты его хорошенько отругал [Пирсу было тогда 37 лет]. Прилагаю письмо, полученное от него двумя днями ранее с пометкой «конфиденциально». Что я буду делать, если он уйдет после трех-четырёх лет подготовительной работы с маятником, причем система так и не доведена до ума! Он проводит «экспериментальный этап» необычайно успешно, и все пропадет, если он уйдет. С его подачи, впечатленный его упрямством, я договорился с Резерфордом о проведении экспериментов, необходимых для создания «измерителя спектра» и установления длины волны, в надежде, что Чарли станет руководить этим предприятием.

Не могу смириться с мыслью о его уходе, так как очень от него завишу, и все же я могу в полной мере выразить ему чувство почтения и попытаться улучшить его положение в денежном отношении. Как же он сможет отказаться от науки, если он открыл врата ее храма! Я хочу, чтобы Ч.С. был достаточно богат, чтобы превзойти «соперника». Что же он имеет в виду? Может, он не списывался с тобой, и тогда не стоит говорить об этом, пока он не скажет больше. Я искренне написал ему, что мой долг прежде всего заключается в том, чтобы способствовать дальнейшему развитию его интересов, в каком бы направлении они, по его мнению, ни лежали, и какой бы утратой или неудобством они ни стали для меня самого. Искренне верю, что он не гонится за чем-то временным и ложным.⁸⁸

Пирс рассматривал вероятность предложения из Университета Джона Хопкинса относительно включения его в состав профессуры с занятием должности, на которую его друг Джеймс порекомендовал его полгода тому назад. Но его легко переубедило письмо от Паттерсона, которому он писал 25 июня: «Я вполне определился в своем решении, получив такое письмо от Вас, где Вы написали, чтобы я и не думал об уходе из Береговой службы, с которой меня одинаково связывают благородные обязательства и собственные интересы».⁸⁹

Тем не менее, его не переставало мучить отношение Береговой службы к нему. Еще сильнее убежденности в том, что его недооценивали как ученого, ему досаждала легкомысленность, проявлявшаяся в отношении к нему и его жалованию. Через месяц после того, как он согласился остаться в Береговой службе, он писал Паттерсону:

Я плохо себя чувствую, а поскольку причина такого моего состояния по-прежнему остается и никуда не денется по крайней мере до понедельника, боюсь, я серьезно заболел. Причина в том, что у меня нет денег, чтобы купить себе еду, поэтому я вынужден был несколько дней просидеть на крекерах и сыре, которые я покупал в [клубе] «Сенчури»...

Я бы хотел остаться в Береговой службе, но я не могу голодать.⁹⁰

В письме, посланном Уильяму Джеймсу двумя месяцами ранее, нарисована совсем иная картина его образа жизни:

Я постоянно в разъездах и вынужден остановиться здесь [в «Бревурт-хаус»] на ночь. Представьте мою досаду, когда этим утром из «Геральд» я узнал о профессоре Ч.С.

⁸⁸ CPP to BP, 14 June 1877, CSPP, HU.

⁸⁹ CSP to CPP, 15 June 1877, NA, CGS, Private Correspondence, 1874–1877.

⁹⁰ CSP to CPP, 28 July 1877, NA, CGS, Private Correspondence, 1874–1877.

Пирс из Гарвардского колледжа, остановившемся в «Бервурте». Особенно из-за того, что я несколько стыжусь своего пристрастия к Бревурту. Но я много лет заезжаю сюда, меня знает каждый официант, и, кроме того, я чувствую себя как дома. Здесь обычно бывают люди класса *comme il faut*, не чета мне. Здесь я принимаю несколько развязный вид, которого, надеюсь, у меня не бывает в других местах и который будто бы говорит: «Ты по-своему не плохой парень; я не знаю, кто ты, и мне это не интересно, но, знаете ли, я – г-н Пирс, известный своими различными научными заслугами, но, в основном, из-за своей чрезвычайной скромности, я бросаю вызов миру». Я заметил, что, когда приобщаются к чему-то изысканному, мало кому удается удержаться от развязности, а те немногие, кто остаются сдержанными, производят неприятное впечатление. Нужно написать очерк о хорошем вкусе в развязности.⁹¹

Сопоставление этих двух писем показывает, каким был Пирс на самом деле: он был расточительным и самовлюбленным, но при своем жаловании не мог позволить себе расточительность, результат которой был описан в первом письме.

В сентябре Пирс писал Паттерсону, что он должен поехать на собрание Международного геодезического общества в Штутгарте, чтобы прочесть ряд научных докладов, особенно тот, в котором содержалось его спорное утверждение о том, что прогиб опоры маятника приводит к существенному уменьшению точности измерений. Примечательно, что в самом обществе в то время шло обсуждение того, стоит ли его вообще приглашать. Пирс настаивал, что он должен ехать в любом случае и тем самым решить вопрос своим фактом своего появления. Паттерсон решил отправить его, и он уехал в Европу в сентябре 1877 года.⁹²

Именно во время этой поездки Пирс закончил вторую свою статью, опубликованную в следующем году в *Popular Science Monthly* («Как сделать наши идеи ясными») и завершил перевод на французский первой («Закрепление верования»). Пирс так описывал поездку:

В каютах первого класса, помимо меня самого, было только четыре пассажира – две дамы, путешествующие порознь, и два господина, также путешествующие сами по себе, одинаково открытые. Они оказались очень приятными людьми и разбились на пары. Поэтому курительная комната была полностью в моем распоряжении, и я занялся написанием статьи, где я изложил логическую максиму.⁹³

Он также развлекался написанием длинного шутивно-официального письма Паттерсону, в котором придумывал причудливые случаи неправильного использования французскими военно-морскими властями сирен, подающих сигналы морским судам.⁹⁴

Два очерка, завершенных во время этой поездки, и четыре других («Доктрина возможностей», «Возможность индукции», «Порядок природы» и «Дедукция, индукция и гипотезы»), которые были опубликованы в 1877–1878 годах под общим заглавием «Пояснения к логике науки» в *Popular Science Monthly*, отражали личный опыт Пирса, полученный в результате занятий экспери-

⁹¹ CSP to WJ, 1 May 1877, James, HU.

⁹² CSP to CPP, 10 September 1877, NA, CGS, Assts. H-Q, 1877.

⁹³ MS 328.

⁹⁴ CSP to CPP, 21 September 1877, NA, CGS, Assts. H-Q, 1877.

ментальной наукой в течение последнего десятилетия. Он начал проект с изложения того, насколько далеко продвинулась наука с момента написания его «Логики 1873 года». «Пояснения» были первым формальным выражением научного метода в качестве логики науки. Они не только стали первой всесторонней убедительной критикой дедуктивного фундаментализма картезианского сомнения и традиционной метафизики в целом («Доводы метафизиков – совершенный вздор»), одновременно Пирс предложил в качестве альтернативы сознательно спорную отправную точку в виде принятия мира, как мы его воспринимаем, и постепенной проверки наших представлений. Нельзя сказать, что другие философы и ученые не рассуждали и не писали о методе науки, поскольку они занимались этим, начиная с древних греков. Но Пирс придал этому методу его современную форму с такой изысканностью, что его «Пояснения», хотя они и стали революционными, теперь кажутся нам просто выражением здравого смысла. Чтение работ Поппера или Карла Гемпеля о логике науки после прочтения «Пояснений» показывает, сколь незначительно продвинулись они вперед по сравнению с моделью, предложенной Пирсом более ста лет тому назад. К тому же, подобное чтение может показать, что некоторые элементы, особенно сущность гипотетического вывода, могут быть устранены без ущерба для нашего понимания науки.

Физик Виктор Ф. Ленцен, ученик Джосайи Ройса, подытожил типичный ранний пример взаимодействия научного метода и логики у Пирса в его статье 1870 года «О теории ошибок наблюдения», которая сама по себе была первопроеходческой.⁹⁵

все наши знания происходят из индукции и ее разновидности, гипотезы. Пирс утверждает, что общая природа индукции всюду одинакова и полностью выражается в следующем примере. Я беру горсть из мешка с черной и белой фасолью и предполагаю, что количество черной и белой фасоли во всем мешке примерно одинаково. Если экспериментатор ошибается в этом выводе, то при повторении того же процесса эта ошибка должна быть исправлена. Следовательно, этот вывод – истинный. Но он ничего не говорит о цвете конкретного боба. Может быть выведено лишь приблизительное общее соотношение, и оно выражается в вероятности для черных или белых бобов. Тогда, принимая во внимание большое число мешков и знание об относительном количестве черных бобов в каждом из них, если черные бобы имеют значение, а белые – нет, человек, осведомленный об относительном числе черных бобов в каждом мешке, будет действовать так, как если бы боб, вынутый из мешка, содержащего большее количество черных, был черным, а боб, вынутый из другого мешка, естественно, белым. Ибо знания получают свое практическое значение вследствие своего влияния на наше поведение.⁹⁶

Последняя фраза представляет собой сжатое выражение прагматической максимы, изложенной Пирсом намного более пространно спустя восемь лет в статье «Как сделать наши идеи ясными». Приведенный пример ясно показывает, что в формулировках до 1900 года практическое значение влияния знания на поведение не предполагало этической стороны. Ученый, в соответствии с этой максимой, не заинтересован ни в каких последствиях,

⁹⁵ NA, CGS, *Report of the Superintendent of the United States Coast Survey*, 1870, Appendix 21.

⁹⁶ Lenzen, “Charles S. Peirce as Astronomer,” in *Studies in the Philosophy*, edited by Edward C. Moore and Richard S. Robin, 41–42.

отличных от тех, что касаются ограниченной вселенной экспериментов с физическим миром. Как и в современной науке, этические последствия, не связанные с этой ограниченной областью, считаются внеположными по отношению к использованию максимы. Пирс, на этом этапе своего философского развития, не видел никаких оснований для привнесения этики в исследование, за исключением тех случаев, когда это было необходимо для придания обоснованности методологическим проблемам. Этика ограничивалась следствиями, проистекающими из идеала истины, воплощенной в сообществе исследователей, а индивид участвовал в познании только в качестве члена такого сообщества. За пределами круга посвященных отдельного человека не связывали никакие этические обязательства. Как он прояснил свою точку зрения уже в 1868 году в «Некоторых последствиях четырех неспособностей»:

Отдельный человек, поскольку его индивидуальное существование проявляется только посредством незнания и ошибки и коль скоро он отличается как от окружающих, так и от того, чем он и они должны быть, есть только отрицание. Этот человек —

*Но гордый человек, что облечен
Минутным, кратковременным величьем
И так в себе уверен, что не помнит,
Что хрупок, как стекло...⁹⁷*

Подобная моральная слепота дорого обошлась Пирсу. Прошло двадцать лет прежде, чем он выдвинул теорию о том, что логика и, следовательно, прагматизм зависят от этики в более широком смысле. «Пояснения к логике науки, статья вторая — Как сделать наши идеи ясными» вышла в январе 1878 года. За год до этого, как раз перед выходом «Закрепления верования» в ноябре 1877 года, Эдвард Ливингстон Юманс, редактор *Popular Science Monthly* писал своей сестре из Лондона: «Чарльза Пирса читали немногие. Но [У.К.] Клиффорд говорит, что он — величайший из ныне здравствующих логиков и второй человек, которому после Аристотеля удалось внести в эту тему что-то новое, другим человеком был Джордж Буль, автор “Законов мышления”».⁹⁸

Любопытно, но мало того, что ни в одной из статей не было слова «прагматизм», ни в одной из них не упоминался его «новый список категорий». Причина, возможно, заключалась в том, что Пирс тогда был воодушевлен неопровержимой силой науки и идеей о том, что сила эта воплощена в его концепции логики науки, выраженной в его прагматической проверке значения, в его анализе вероятности и логических категориях гипотезы, дедукции и индукции. Его позитивистская и откровенно антиметафизическая убежденность в непреодолимой силе научного исследования в сочетании с признанием, полученным у европейских ученых и логиков, только усилили его высокомерие. В этих статьях, которые важны по причине оказанного ими влияния на более позднее развитие философии, вероятно, по той же самой причине, отсутствует изложение его уже сложившихся к тому времени реалистических взглядов на науку. Поскольку «Пояснения» были его самым известным сочине-

⁹⁷ Пирс Ч.С. *Избранные философские произведения*. М., 2000. С. 93. См. также: Шекспир, *Мефа за мери*, II, ii, 17 (перевод Т. Щепкиной-Куперник).

⁹⁸ Fiske, 340, цит. по: Fisch, PSP, 129.

нием, члены «венского кружка» и их наследники от логического позитивизма и неопозитивизма, не задумываясь, причисляли его к важным предшественникам, предвосхитившим их собственные антиметафизические и номиналистические доктрины и операционалистское представление о значении.

Собрание Международного геодезического общества в Берлине в 1877 году было личным триумфом в научной карьере Пирса. Он писал Паттерсону:

Я провел один день [в Остенде], чтобы передохнуть и осмотреться, сел на поезд в 11 вечера и прибыл из одного места [Брюссель] в другое [в Штутгарт] сегодня в полдень, опоздав к обеду. Спустившись, я встретил многих своих старых друзей за одним столом, который был полон. Я спокойно сел за другой, не желая прерывать обед объяснениями. Однако вскоре [Теодор фон] Опольцер заметил меня и подошел, чтобы со мной побеседовать, а затем подтянулись и другие, причем они были очень удивлены моим неожиданным появлением.⁹⁹

Спустя два дня Пирс так описывал Паттерсону триумфальное событие в своей геодезической карьере:

после завершения предварительных мероприятий председатель зачитал ваше письмо. Все встали, а председатель пригласил меня войти в общество, за что я поблагодарил его от себя лично и от имени Береговой службы. Сразу же после прочтения обычных сообщений из различных стран... прошло внеочередное обсуждение вопроса о маятнике. Его начал профессор Плантамур, председатель специального комитета по маятникам, который описал эксперименты [о прогибе опоры маятника], проведенные им после моих исследований... Все называли мою работу очень важной и эпохальной в деле использования маятников.¹⁰⁰

Паттерсон и его отец, конечно же, были весьма удовлетворены и искренне посоветовали увеличить ему жалование. Пирс вернулся домой в ноябре, а через месяц перенес еще один приступ, вызванный переутомлением, третий за два года, хотя он и выздоровел к январю 1878 года.¹⁰¹

В конце 1877 года Бенджамин Пирс написал ректору Гилмэну из недавно созданного Университета Джона Хопкинса, порекомендовав Чарльза на должность заведующего кафедрой физики, сразу же после приглашения на эту кафедру Генри Огастеса Роуланда. Чарльз и Джулиус Хилгард, среди прочих, были приглашены на встречу с Гилмэном и Роуландом в начале января 1878 года. 13 января Чарльз написал Гилмэну длинное письмо, в котором он сначала снисходительно отозвался о репутации Роуланда как физика, а затем начал довольно путано и напыщенно превозносить себя как потенциального специалиста в любых науках:

Что касается моего собственного *personlichen Wenigkeit*, я понимаю, что мой отец предложил меня на место простого профессора физики. Но если бы меня пригласили в университет (таковое приглашение было бы для меня очень приятным), полагаю, что полезнее было бы использовать меня, во-первых, для удовлетворения нужд кафедры физики, а во-вторых, для применения моих логических исследований... [Затем Пирс описывал потребности кафедры и предлагаемые им методы обучения].

Но что касается меня, то я — логик. Основой для логических обобщений служат специальные методы различных наук. Для постижения этих методов логик должен

⁹⁹ CSP to CPP, 27 September 1877, NA, CGS, Assts. H-Q, 1877.

¹⁰⁰ Ibid., 29 September 1877, CSPP, HU.

¹⁰¹ CPP to BP, 12 December 1877, CSPP, HU.

довольно глубоко изучить различные науки. Таким образом, я изучил почти весь предмет физики, хотя имеется довольно обширный инструментарий, связанный в особенности с электричеством, с которым я практически не знаком. Но, будучи тонким специалистом в других отраслях физики и химии, мне не следует опасаться того, что я с чем-то не справлюсь, тем более, что мне известно, как работает большинство приборов, квадрантный электрометр и т.д., и знаю, на что нужно обратить внимание. Поэтому, хотя я и логик, мне необходима лаборатория.

В логике я представляю особое направление, направление физической науки. ... Я соизмерил свои способности со способностями других людей; я знаю, каковы они. Мой долг рассказать со сдержанной убежденностью, на что я способен. Моя система изложена в общих чертах, но не так, чтобы ее значение можно было бы оценить. Если общество считает, что она заслуживает развития, то достаточно только дать мне средства для осуществления этого. В противном случае я, вполне удовлетворенный, пойду по другому пути.

Я бы с большим удовольствием присоединился к обществу ученых Балтимора, идею которого я искренне поддерживаю. У вас единственный настоящий университет в Америке.

Но есть две вещи, о которых я должен предупредить. Первая связана с тем, что я не смогу отказаться от руководства маятниковыми работами в Береговой службе, которые нуждаются в моем присмотре, хотя они в будущем и не станут занимать много времени. Вторая — это очень болезненный личный вопрос, о котором я вообще не люблю говорить и о котором я стараюсь говорить как можно меньше. Дело в том, что многие годы я находился в разладе со своей женой, подолгу живя с ней порознь и не видя ее; и причины этого с той и с другой стороны, надеюсь, никогда не получат огласки. Но мы определенно никогда не станем снова жить вместе. Это обстоятельство, которому вы, естественно, придаете значение, должно заставить вас всерьез задуматься о моем приглашении в Балтимор.¹⁰²

12 марта, получив от Гилмэна предложение о лекторстве, Пирс явно был разочарован тем, что ему не была предложена должность профессора. «В целом, я должен согласиться с вашим предложением о том, чтобы остаться в Береговой службе, но в университете я бы хотел работать на неполную ставку профессором логики, и я прошу вас поставить этот вопрос перед руководством».¹⁰³

Через два дня после отправки этого письма, Пирс получил еще одно послание, на этот раз от Джорджа Брюса Холстеда, аспиранта в Университете Джона Хопкинса, с которым он был знаком и который заботился о репутации Пирса в университете. Холстед предложил на какое-то время подменить Пирса при чтении его курса,

Но мне было сказано здесь, что было бы лучше не делать этого и что вы в своих письмах выказали склонность недооценивать все и вся из того, о чем вы говорили. Кроме того, меня особенно обескуражило замечание профессора [Джеймса Джозефа] Сильвестра о том, что ваши статьи в *Popular Science Monthly* были поверхностны и претенциозны и что написать их мог бы всякий. Что касается меня, то я получил огромное удовольствие от ваших статей и не смог найти в них ни одного недостатка, кроме уже упоминавшихся мной некоторых непонятных мест.¹⁰⁴

Пирс сразу же написал Сильвестру, давнему коллеге-математику его отца, постоянно гостившему в их доме во времена юности Чарльза:

¹⁰² CSP to DCG, 13 January 1878, Gilman, JHU.

¹⁰³ Ibid., 12 March 1878, Gilman, JHU.

¹⁰⁴ G. B. Halsted to CSP, 14 March 1878, Gilman, JHU.

Я был удивлен, узнав из приложенного письма, что вы выступаете против моего приглашения в Университет Джона Хопкинса. Мне казалось, что вы дали мне понять о вашем дружеском расположении ко мне в этом вопросе.

Что касается вашего мнения самого по себе, то здесь мне нечего сказать. Я доволен тем откликом, который получили мои статьи в логическом мире, и меня не очень интересует мнение посторонних. Не могу сказать, что молодой г-н Холстед отличается житейской мудростью. Он ни в коем случае не имел права направлять мне личные замечания. Если вы не выказали ему готовности изложить для меня ваши соображения, то его поступок кажется несколько неосмотрительным.¹⁰⁵

Этими письмами ознаменовалось начало бурных отношений между Пирсом и Сильвестром во время их пребывания в Университете Джона Хопкинса. Пирс воспринял критику Сильвестра как глубокую личную обиду, а через три года его возмущение вышло наружу в неприятном споре.

Через неделю после написания письма Сильвестру по поводу его нападок и в ответ на письмо Гилмэна, в котором тот говорил об отказе от предложения о лекторстве на неполную ставку, Пирс писал Гилмэну: «У меня нет никакого желания давить на ваших почитателей, если они решили, что не имеет смысла привлекать еще людей».¹⁰⁶

Зимой 1877 и весной 1878 годов Пирс продолжал в Хобокене свои эксперименты с маятником и спектрометром собственной конструкции, предложив использовать длину волны света для увеличения точности измерения длины метра. К июню он подготовил план размещения станции в Скалистых горах, но нехватка средств у Береговой службы вынудила его отказаться от этой идеи. Лето он провел в Кембридже, откуда он собирался направиться для проведения экспериментов в Уайт Маунтинс, штат Нью-Хэмпшир, и вблизи горы Вашингтон. Но его мать писала:

Чарли все еще здесь — расстроенный из-за планов по поводу Уайт Маунтин, он, кажется, утратил тягу к работе и забросил на время опыты с маятником. Тем временем г-жа Пуртале находится в Интервале [в Уайт Маунтинс] и время от времени шлет ему письма, о которых он рассказывает совершенно свободно.¹⁰⁷

Нерешительность Пирса отражала противоречие между острым желанием оставить Береговую службу ради должности в Университете Джона Хопкинса и его чувством долга перед Береговой службой, но его задержка в Кембридже была связана главным образом с Жюльетт, загадочной г-жой Пуртале, которая после всем известного пятилетнего романа стала его женой. К большому несчастью для них обоих, то обстоятельство, что Чарльз все еще был женат на Зине за два дня до брака с Жюльетт, ни университетские круги, ни общество в целом так никогда и не забыли. В августе Пирс вернулся в Нью-Йорк, где его желание оставить Береговую службу стало еще более выраженным. Паттерсон возражал против многих книг, купавшихся Пирсом за счет Береговой службы, многие из которых не имели никакого отношения к тому, чем она занималась. Пирс саркастически комментировал: «Возможно, я переоценил степень вашего уважения ко мне, несомненно, преувеличив ничтож-

¹⁰⁵ CSP to James Joseph Sylvester, 19 March 1878, Gilman, JHU.

¹⁰⁶ CSP to DCG, 27 March 1878, Gilman, JHU.

¹⁰⁷ SMP to BP, 7 August 1878, CSPP, HU.

ную значимость своей научной работы... Я должен поблагодарить вас за ту снисходительность, с которой вы указали на ошибки в моем понимании».¹⁰⁸

Пирса все меньше устраивали его заработок и отказы Береговой службы предоставить ему и его команде средства, необходимые для обеспечения его работы на местах. К началу сентября 1877 года он составил перечень из восьми помощников из Береговой службы и их жалований. Он стоял у истоков, и никому другому не удалось добиться и близких результатов и научной репутации по сравнению с теми, которыми обладал он. Но Пирс на следующий год запланировал проведение работ с маятниками в Аллеганских горах, откуда легко можно было добраться до Вашингтона — и Университета Джона Хопкинса. Он также обратился с просьбой о совершении еще одной поездки в Европу, которую пришлось отложить на год. Паттерсон написал Бенджамину Пирсу письмо с просьбой поехать в Нью-Йорк и «поговорить» с сыном о его поведении и состоянии.¹⁰⁹ В декабре Пирс прибыл в Аллегани-Сити, чтобы изучить область на предмет участков, но, не выполнив до конца свою задачу, слег с воспалением легких, напугав Паттерсона и своего отца, и был отправлен домой, чтобы провести Рождество в Кембридже со своей семьей.¹¹⁰

В январе 1879 года Бенджамин Пирс, обеспокоенный тем, что его замечательный сын Чарльз почти в сорокалетнем возрасте по-прежнему получает жалование в 2.870 долларов, написал большое письмо директору Паттерсону, в котором настаивал на том, что научные достижения сына заслуживали большего вознаграждения. Паттерсон ответил, что он уже пытался увеличить жалование Чарльза, но безуспешно из-за политической ситуации в Министерстве финансов.¹¹¹ Неудовлетворенный таким ответом, Чарльз Пирс при поддержке четырех самых выдающихся астрономов и физиков того времени сам обратился с просьбой об увеличении жалования.¹¹² В приложенных письмах от Альфреда М. Мейера, профессора физики в Институте технологии Стивенса; Уолкотта Гиббса, румфордовского профессора в Гарвардском университете; Огдена Руда, профессора физики в Колумбийском колледже, и Бенджамина Пирса давалась высокая оценка работы Пирса. Гиббс писал:

В сущности, я без всяких колебаний утверждаю, что и спектроскоп, и спектрометр являются наиболее точными из существующих ныне приборов, и я восхищен результатами экспериментов, проведенных после их создания.¹¹³

Руд писал:

Очень трудно было бы найти другого ученого, который обладал бы необходимой специальной подготовкой или природным даром, сравнимым с тем, что обладает г-н Пирс — мне известно наверняка, что в нашей стране нет другого человека, который был бы столь же подготовлен, чтобы заступить на должность, занимаемую им в настоящее время в Береговой службе.¹¹⁴

¹⁰⁸ CSP to CPP, 15 August 1878, NA, CGS, Assts. H-Q, 1878.

¹⁰⁹ CPP to BP, 8 November 1878, CSPP, HU.

¹¹⁰ Ibid., 24 December 1878, CSPP, HU.

¹¹¹ Ibid., 10 January 1879, CSPP, HU.

¹¹² CSP to CPP, 23 May 1879, NA, CGS, Assts. L-Q, 1879.

¹¹³ W. Gibbs to CPP, 21 April 1879, NA, CGS, Assts. L-Q, 1879.

¹¹⁴ O. N. Rood to CPP, 11 May 1879, NA, CGS, Assts. L-Q, 1879.

И Бенджамин Пирс писал, еще больше превознося своего сына:

Наиболее выдающимся достижением, таким образом, должно быть названо определение длины метра по длине световой волны, которая короче всего того, что когда-либо подвергалось измерению, и только точное определение метра, при помощи которого оно могло быть восстановлено, в случае утраты его наукой. И, конечно же, оно вызовет рукоплескания ученых в адрес Береговой службы.

В сочетании с выдающимися маятниковыми измерениями г-на Пирса, которые по достоинству были оценены европейскими учеными как эпохальный вклад в наиболее сложную отрасль наблюдений, оно ставит его в один ряд с великими специалистами в области астрономических и геодезических исследований, и было бы очень прискорбно, если бы такие выдающиеся успехи в науке не были должным образом вознаграждены.¹¹⁵

В июне Пирс получил третье предложение из Университета Джона Хопкинса стать лектором по логике в 1879–1880 учебном году. Он писал Паттерсону:

Я получил предложение из Университета Джона Хопкинса о прочтении нескольких лекций и руководстве преподаванием логики в нем. Поскольку было четко сказано, что университет не желает быть помехой в исполнении моих обязательств перед Береговой службой, полагаю, что я приму предложение, поскольку вы уже говорили мне, что у вас нет никаких возражений по поводу такой договоренности. Они не будут платить много [1.500 долларов], но это уже кое-что.¹¹⁶

6 июня, соглашаясь на предложение Гилмэна, Пирс сказал:

Мои взгляды относительно преподавания логики в Университете Джона Хопкинса остаются во многом теми же, что и в прошлом году. Мне необходимо, во-первых, иметь преподавательскую нагрузку исключительно в этой области, а во-вторых, предоставление мне в конечном итоге должности профессорства...

Думаю, вам лучше не давить на меня по поводу достижения определенного соглашения относительно объема времени, которое я должен посвятить этому делу. Вам известна моя привязанность к логике... Но если бы мне пришлось заключить договор, я бы пересмотрел вопрос о жаловании в сторону его увеличения, ибо та довольно незначительная сумма, которую я получаю сейчас, меня не устраивает.

Мое нынешнее положение отличается от прошлогоднего, и теперь у меня есть такие обязательства, которые потребуют, чтобы в начале осени этого учебного года я находился в Европе, поэтому я не смогу быть в Балтиморе в начале семестра. Мне бы хотелось воспользоваться своим пребыванием за границей и приобрести для библиотеки кое-какие книги по логике.

Если вы хотите со мной встретиться, я буду в Нью-Йорке на следующей неделе, а «Бреверт» и «Сенчури клуб» будут моими штаб-квартирами...¹¹⁷

Гостиница «Бреверт» была построенной в европейском стиле дорогой гостиницей, располагавшейся на Пятой авеню на площади Вашингтона и обслуживавшей богачей, знать и высокопоставленных лиц. Пирс был знаком сотрудникам гостиницы, и, вероятно, именно там в 1876 году он встретил Жюльетт Пуртале.¹¹⁸ Их неосмотрительная связь, скорее всего, началась в «Бреверте». «Сенчури клуб» был местом, где собирались самые инте-

¹¹⁵ BP to CPP, 24 May 1879, NA, CGS, Assts. L-Q, 1879.

¹¹⁶ CSP to CPP, 10 June 1879, NA, CGS, Assts. L-Q, 1879.

¹¹⁷ CSP to DCG, 6 June 1879, Gilman, JHU.

¹¹⁸ HJ to Henry S. Leonard, 10 February 1936, цит. по: W4:xxii, Introduction by Houser.

ресные и значимые люди того времени. Его членами были банкиры, ученые, писатели, издатели, исследователи, предприниматели, политики, поэты, изобретатели, эксцентрики и фигляры. Пирс встретил там многих людей, вместе с которыми он позднее участвовал в спекулятивных схемах быстрого обогащения. Наибольшее влияние на Пирса оказал нечистоплотный биржевой спекулянт и поэт Эдмунд Кларенс Стедмэн. Позднее, в 1890-х годах, когда эти рискованные предприятия и общенациональный экономический крах разорили Пирса и повергли его в состояние крайней нужды, «Сенчури клуб» стал основным источником пропитания, которое он выпрашивал в нем, чтобы выжить. Поскольку его яркую и забавную компанию ценили его товарищи-члены, он оставался желанным гостем в нем вплоть до его исключения примерно в 1895 году.

По зрелом размышлении, пожелав произвести благоприятное впечатление на ректора Гилмэна, Пирс решил изменить свои планы и сразу же направиться в Аллеганские горы, а вслед за этим — летом в Европу, чтобы прибыть в Уинверситет Джона Хопкинса в начале первого семестра. Он не сообщил эту причину изменения планов Паттерсону.¹¹⁹

В июле директор Паттерсон вновь предпринял попытку поднять жалование Пирса. Он отправил рекомендательное письмо министру финансов Джону Шерману, приложив к нему письма ученых, присланные ему ранее Пирсом. В нем он писал, несомненно, хорошо посоветовавшись со своим наставником, Бенджамином:

Г-ну Пирсу сорок лет, он работает в Береговой службе уже восемнадцать лет и, принимая во внимание его исключительные способности в проведении специальных исследований, за одиннадцать лет службы достиг нынешнего уровня своего жалования в 1873 году. С тех пор Пирс достиг выдающихся успехов в весьма оригинального характера наблюдениях за маятником, вызвав сильнейший интерес к этому важному научному вопросу среди всех физиков как на родине, так и за рубежом, и подтолкнув к полному пересмотру результатов всех прошлых наблюдений на основных станциях наблюдения над качанием маятника в Европе. В сущности, г-н Пирс — первый человек в нашей стране, которому с успехом удалось взяться за решение этой проблемы, многие годы находившейся в подвешенном состоянии и дождавшейся настоящего глубокого исследователя. Г-н Пирс также преуспел в сопоставлении принятой стандартной единицей длины (метр) с постоянной (как теперь известно) длиной в природе, длиной световой волны, задаче, решить которую до настоящего времени никто не пытался из-за связанных с ней трудностей и которую после многих разочарований и неудач он, наконец, решил. Такие результаты работы г-на Пирса значительно укрепили геодезическую науку и повысили научную репутацию Береговой службы, а следовательно, и страны.

Приложенные выдержки из писем выдающихся американских ученых служат наилучшим свидетельством ценности труда г-на Пирса.¹²⁰

Месяц спустя Паттерсон написал Пирсу, что министр финансов отказался повысить ему жалование и что он рассчитывает на то, что Пирс продолжит выполнять свои обязанности с прежним усердием. Но добавил:

Однако если вдруг вы посчитаете, что ваши интересы могут быть направлены на любые другие дела или занятия, я сделаю все, что в моих силах, чтобы способствовать их осу-

¹¹⁹ CSP to CPP, 10 June 1879, NA, CGS, Assts. L-Q, 1879.

¹²⁰ W4:xiii-xiv, Introduction by Houser.

ществлению, хотя утрата для Береговой службы в том, что касается вопросов, которыми вы занимаетесь сейчас или могли бы заняться в будущем, будет невосполнимой.¹²¹

Пирс уклончиво ответил: «Хочу горячо поблагодарить вас за то, как вы представили мое дело министру финансов. Пока я остаюсь в Береговой службе, я постараюсь исполнять свои обязанности».¹²²

Теперь Пирс мог покинуть Береговую службу, а если бы, в чем он был уверен, ректор Университета Джона Хопкинса Гилмэн назначил его профессором, его заветная мечта осуществилась бы. В сентябре Пирс приехал в Балтимор; для удобства он переместил маятниковую станцию из Эбенсбурга в Аллеганах в Йорк, штат Пенсильвания, на расстоянии менее часа езды поездом от Балтимора.

В 1880 году город Балтимор представлял собой многоязычную смесь европейских иммигрантов и негров, насчитывавшую около 400.000 человек. Хотя первоначально его население составляли англичане, шотландцы, ирландцы, немцы и французы, преимущественно католики, после Гражданской войны его наводнили негры, итальянцы, поляки, литовцы, русские и другие этнические группы. Он был главным морским портом и конечной станцией железной дороги, соединявшей Балтимор со штатом Огайо, и обладал значительными производственными мощностями, обслуживавшимися преимущественно рабочими-иммигрантами. Во время Гражданской войны город заняли союзные войска, но его пожилые жители по-прежнему оставались неисправимыми южанами.

Университет Джона Хопкинса, созданный в 1876 году как элитный институт, должен был соответствовать европейским, в особенности немецким, стандартам учености у выпускников и в профессиональном образовании. Гилмэн, назначенный ректором годом ранее, укомплектовал свой факультет соответствующим образом. Только за четыре года объем исследований, опубликованных университетом, превысил объем исследований, выполненных предыдущим поколением ученых и опубликованных всеми американскими университетами вместе взятыми. На его первый курс было зачислено 89 студентов, а на четвертый — 159, многие из которых были выпускниками других университетов, стремившимися получить ученую степень. Университет привлекал блестящих студентов, а в число 50 студентов, обучавшихся у Пирса, входили Джон Дьюи, Фабиан Франклин, Бенджамин Айвис Гилмэн, Аллан Марканд, Оскар Говард Митчелл, Торстейн Веблен и двое наиболее близких к нему — физиолог Джозеф Джастроу и логик Кристин Лэдд. При столь небольшом числе студентов и примерно сорока преподавателях университет был замкнутым учреждением, со всеми присущими учреждению такого рода достоинствами и недостатками. В этом представительном собрании ученых нетрадиционность Пирса бросалась в глаза. Когда Сильвестр, усомнившийся в интеллекте Пирса, спросил студента о его преподавании, ему ответили, что его лекции «всегда были основательными, часто — весьма утонченными и никогда — банальными, иногда за ними нелегко было угнаться и им так недоставало ясности, что слушателям было очень сложно по-

¹²¹ CPP to CSP, 8 August 1879 (L 91).

¹²² CSP to CPP, 9 August 1879, N A, CGS, Assts. L-Q, 1879.

нять, о чем идет речь», и он добавил: «не может быть никаких сомнений в том, что г-н Пирс — гений». «Ладно», — ответил Сильвестр, — «если он гений, разве этого не достаточно? Разве не таких гениев мы хотим здесь иметь?»¹²³ Пирс провел пять лет в Университете Джона Хопкинса. В течение этого времени он читал вводный курс логики, курсы по логике относительных, философской терминологии, средневековой философии, вероятностей и одной из тем, интересовавших его всю жизнь, — психологии великих людей. Он основал новый «Метафизический клуб», который был настоящим достижением в деле проверки философских идей на прочность. Он участвовал в проведении многих университетских мероприятий, наподобие заседаний Научного общества и Математического семинара, где им было зачитано множество оригинальных и важных докладов. Пирс принимал деятельное участие в интеллектуальной жизни университета. Но он не участвовал в его политической жизни, которая — к его большому гневу и расстройству — была для него закрытой по причине неполной занятости. В этой связи двое коллег Пирса по университету сыграли важную роль в его карьере: психолог Стенли Холл, потому что, будучи «благонадежным», он раньше Пирса (и Джеймса) был избран на должность профессора философии, обещанную ему Гилмэном; и Саймон Ньюкомб, выдающийся астроном, преуспевший в разрушении его карьеры.

Величайшим достижением Пирса за его карьеру в университете была публикация в 1883 году «Исследований по логике, проведенных членами Университета Джона Хопкинса». Как гласило название, «Исследования» были результатом трудов Пирса и его студентов, содержащим свежий взгляд на множество областей символической логики. Хотя Пирс в течение двух лет носился с идеей этой книги и участвовал в ее подготовке и редактировании, его имя отсутствует на титульном листе. Он не поставил себе в заслугу работу своих студентов, которая действительно стояла на переднем краю исследований в данной области. Джон Венн, рецензировавший эту книгу для *Mind*, дал ей высокую оценку, особенно статье Пирса под названием «Теория вероятного вывода».¹²⁴ Для Пирса эта книга была воплощением его идеала и этики сообщества искателей истины. Для его студентов она стала блестящим началом их карьеры, хотя Кристин Лэдд-Франклин, удовлетворяя при этом всем предъявлявшимся требованиям, из-за того, что она была женщиной, в течение пятнадцати лет не могла получить в университете докторской степени.

В 1916 году Лэдд-Франклин вспоминала о своей работе в университете и Пирсе:

Наверное, в нашей стране никогда не было ни исследовательского центра, в условиях которого можно было бы получить большее удовлетворение от интеллектуальной жизни, ни студентов, способных лучше применить свои оригинальные способности.

Обращаясь к горстке студентов (которые, все же, оказались впоследствии не такой уж незначительной горсткой), Пирс... сидел, по замечанию профессора Джастроу, с видом типичного философа, занятого донесением новой истины, полученной им из некоего неисчерпаемого источника. Он не производил впечатления того, ко-

¹²⁴ John Venn, "Review of *Studies in Logic*," *Mind* 8 (1883): 594-603 (O 248).

¹²³ W4: xxxviii, Introduction by Houser.

го можно было бы назвать вдохновленной личностью, а скорее создавал ощущение, что перед нами находился глубокий, оригинальный, беспристрастный и пылкий искатель истины. Не прилагалось никаких усилий для того, чтобы создать связанное и непротиворечивое целое из материала каждой лекции. В сущности, его курс был столь изошренным и непредсказуемым, что однажды, к удовольствию студентов, в конце своей лекции он сказал, что нам необходимо создать (для проведения более свободных дискуссий) «Метафизический клуб», хотя лекцию он начал с определения метафизики как «науки туманных размышлений».

Некоторые студенты профессора Сильвестра — поняв, что новая логика, излагаемая профессором Пирсом, была связана с тогдашней математикой и что, даже если она с ней и не была связана, то была чем-то, что, в отличие от механических логических упражнений, должно было оказать живительное и проясняющее воздействие на процессы рассуждения — присоединялись к его группе по логике, состоявшей раньше, конечно же, из студентов-философов. Смешанный характер аудитории, как часто бывает на лекциях по современной логике, не позволял лектору сделать так, чтобы его предмет удовлетворял требованиям всех слушателей. В лекциях Пирса не слишком подробно рассматривались вопросы его математической логики... В его лекциях по философской логике мы, несомненно, внимали самому выдающемуся сочинению из тех, что он когда-либо рекомендовал нам, — ряду его мастерских статей по этой теме, уже опубликованных в *Popular Science Monthly* в 1878 году под заголовком «Некоторые пояснения к логике науки».¹²⁵

После смерти Пирса Джозеф Джастроу, который провел вместе с Пирсом несколько оригинальных опытов, вспоминал, что курсы Пирса по логике дали ему «первое настоящее ощущение интеллектуальной мощи» и что его самым большим даром было его «неиссякаемое умение пробуждать мысль». Он описывал его преподавательские качества:

Личность г-на Пирса зачастую замалчивалась из-за его научного характера. Нетрудно было сложить впечатление о нем как о замкнутом, возможно холодном, точнее склонном к уединению человеке. Основной чертой его характера была благородная застенчивость, смущение при светских беседах и вводных словах, которые было необходимо произносить перед вступлением в прения. У него был щедрый и радужный характер; человеком он был интеллектуально открытым. В этом отношении он прекрасно подходил для того, чтобы встать во главе кружка избранных учеников. При более благоприятных обстоятельствах его академическая карьера могла продлиться значительно дольше, ибо он обладал огромным учительским даром, обладал этим даром от природы, как другие владеют пером или смычком от скрипки.

Молодые люди в моей группе, допущенные в его круг, считали его очень приятным собеседником. В его отношении к нам как к равным не было ни капли панибратства, для этого оно было слишком непосредственным и искренним. Мы были членами его «научного» братства; приветствия были краткими, и мы переходили к делу, которое нас объединяло, в котором он и мы находили больше удовольствия, чем где бы то ни было.¹²⁶

И Фиш в статье «Пирс в Университете Джона Хопкинса», и — недавно — Натан Хаузер в своем введении к четвертому тому «Сочинений Чарльза С. Пирса» прекрасно в деталях описали отношения Пирса с университетом.¹²⁷

¹²⁵ Christine Ladd-Franklin, "Charles S. Peirce at the Johns Hopkins," *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods* 13 (1916): 716-17 (O 1243).

¹²⁶ Joseph Jastrow, "Charles Sanders Peirce as Teacher," *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods* 13 (1916): 725 (O 1244).

¹²⁷ Fisch, PSP, 35–78; W4: Introduction by Houser.

У Пирса была очень тяжелая двойная нагрузка – чтение курсов по логике, требовавших напряженной подготовки, и наблюдения над экспериментами с маятником, продолжавшиеся до декабря, когда у него из-за переутомления произошел очередной нервный срыв. На Рождество Пирс написал Гилмэну письмо, в котором разъяснял природу своего недуга:

Должен сказать вам одну странную вещь, которая, если не произойдет ничего непредвиденного, должна остаться между нами. Из-за определенных симптомов я вчера посетил своего врача в Нью-Йорке, а он затем направил меня на консультацию к другому выдающемуся врачу, сообщив мне, что он считает состояние моего рассудка довольно тревожным. Его не особенно беспокоило обычное душевное расстройство, он опасался чего-то другого; и он был вынужден настоять на том, чтобы я ненадолго задержался в Нью-Йорке, и не обещал, что я вернусь 5 января. Со своей стороны, я не думаю, что дело обстоит так серьезно, как он думает. Напряженная работа в университете и мои лекции в сочетании с уединенной жизнью и состоянием моего телесного здоровья, несомненно, повергли меня в состояние внушающей опасения умственной деятельности и возбуждения. Но я убежден, что я удивлю врачей скоростью, с которой я вновь встану на ноги. Не думаю, что все настолько серьезно. Но полагаю, лучше сказать вам все, что мне известно; вы сможете понять, почему мне, наверное, не удастся приехать 5 января, а также и то, что дело может обернуться хуже, чем я предполагаю, и я могу наделать глупостей.

Кроме вас, я никому ничего не сказал; и прошу вас не напоминать мне об этом, когда я вернусь, потому что я не вернусь, пока все не закончится.¹²⁸

После этого срыва лицевая невралгия, бронхит и разные другие недуги приковали Пирса к кровати до середины января 1880 года, когда он достаточно восстановился, чтобы вернуться в Балтимор для чтения лекций.¹²⁹ Бенджамин Пирс слышал его лекции и был восхищен ими; после разговора с ректором Гилмэном он был убежден, что отношения его сына с университетом вскоре перейдут на постоянную основу.¹³⁰

Пирс продолжал вести свою напряженную и утомительную двойную жизнь, итогом которой стал очередной приступ болезни, поразивший его в конце февраля. В апреле 1880 года, до окончания весеннего семестра, он выздоровел и уехал в Европу для участия в конференции по вопросам геодезии от Береговой службы, но в конце мая, находясь в Англии, слег с бронхитом. В июле его неожиданно вызвали домой из-за серьезной болезни отца. В начале августа он прибыл в Кембридж, где и оставался до смерти своего отца в сентябре. Смерть Бенджамина глубоко повлияла на Чарльза как в личном, так и в профессиональном отношении. Его отец помог Чарльзу раскрыть свой собственный гений. За год до своей смерти на заседании Бостонского радикального клуба он говорил, что «видит, что его сын Чарльз теперь продолжает развивать то же, чем некогда занимался он сам, и очень рад этому».¹³¹

Со смертью своего отца Чарльз лишился всех целей и ориентиров. Эта утрата была особенно опасна для него, поскольку он не располагал больше ни весомым влиянием отца, способным его защитить и содействовать дальнейшему

¹²⁸ CSP to DCG, 25 December 1879, Gilman, JHU.

¹²⁹ См., напр.: Ibid., 28 February 1880, Gilman, JHU.

¹³⁰ BP to SMP, 20 January – 5 February 1880, CSPP, HU.

¹³¹ Sergeant, 379–80, цит. по: W4: xx, Introduction by Houser.

развитию его профессиональной карьеры, ни решительным присутствием Зины, которая помогла бы ему сохранить эмоциональное равновесие. Он начал поступать совершенно необдуманно и вопреки своим собственным интересам.

Хотя в августе Пирс был уверен в том, что вскоре ему будет предоставлена постоянная должность в Университете Джона Хопкинса, 18 декабря, одновременно с особенно сильным приступом невралгии, он решил оставить работу преподавателя. Объясняя причины своего решения, он писал:

Хотя в моей жизни нет большего удовольствия, чем работа в Университете Джона Хопкинса, все же я боюсь, что весной моя связь с Балтимором должна прекратиться. Я не смог бы договориться о своей работе здесь, не изменив своих отношений с Береговой службой, которую я, конечно же, не могу оставить ради второстепенной должности, занимаемой мною здесь...

Оставив университет, я распрощаюсь с изучением логики и философии.¹³²

Он предложил продать свою библиотеку по логике и философии университету за 550 долларов. Через неделю Гилмэн ответил согласием и во время церемонии ее передачи 22 февраля 1881 года поблагодарил Пирса за прекрасное собрание. Но Пирс колебался; в начале февраля он писал Гилмэну:

Недавно вы любезно высказали пожелание, чтобы в следующем году я продолжил чтение своих лекций. Как вы знаете, я не хочу оставаться на прежних условиях. Но я бы с удовольствием получил четкую письменную рекомендацию, которую я мог бы унести с собой в качестве свидетельства того, что университет считает, что мое жалование было заслужено мной по праву. Я не стесняюсь просить об этом, потому что считаю, что я был полезен своим ученикам и вправе получить возмещение.¹³³

Хотя попечители не предоставили ему письменной рекомендации, которой он у них просил, была произнесена официальная речь с выражением благодарности. В свете соображений, высказанных Пирсом Гилмэну, то, что в июне Пирс третий раз был назначен преподавателем логики, то есть занял ту же самую должность, от которой отказался в феврале, может показаться странным. Но все же решение у этой загадки очень простое. Через неделю после письма с сообщением о своей отставке Пирс заметил, что его «...уход из университета был исключительно вопросом цены моих услуг...», а в конце марта Сильвестр убедил Гилмэна взять его обратно (хотя попечители уже приняли его отставку) с увеличением жалования с 1.500 до 2.500 долларов.¹³⁴ Общая сумма дохода, получаемого Пирсом в виде жалования в Береговой службе и в университете, приближалась к 5.500 долларов, значительный заработок по тем временам (директор Береговой службы получал 6.000 долларов), но недостаточный для того, чтобы продолжать вести расточительный образ жизни. Сильвестр писал Гилмэну, выражая благодарность ему за то, что тот оставил Пирса:

Позвольте мне выразить огромное удовлетворение, испытываемое мной от тех мер, которые предприняли во благо университета его попечители, чтобы оставить Крэйга и Пирса. Теперь мы сформировали корпус из ни больше, ни меньше как восьми настоящего выдающихся математиков, исследователей и рабочих лошадок: Стори, Крэйг, Сильвестр, Франклин, Митчелл, Лэдд, Роуланд, Пирс; которых, полагаю, все остальные должны признать довольно сильной командой.¹³⁵

¹³² CSP to DCG, 18 December 1880, Gilman, JHU.

¹³³ Ibid., 4 February 1881, Gilman, JHU.

¹³⁴ Ibid., 9 February 1881, Gilman, JHU.

¹³⁵ James Joseph Sylvester to DCG, 28 April 1880, Gilman, JHU.

Письмо показывает, что Сильвестр считал Пирса и его студентов — Франклина, Лэдд и Митчелла — прежде всего математиками. Сама Лэдд-Франклин говорила, что большинство студентов Пирса были математиками. В университете Пирс много работал в составе этой группы математиков, оказавшей определенное влияние на его образ мысли. Две основные работы, завершённые им в университете, которые он с большим трудом писал во время нервного расстройства в 1880 году, были посвящены алгебре логики и связям между математикой и логикой. Другая важная публикация, вошедшая в совместное со студентами издание «Исследований по логике», была посвящена логике вероятности, также математической по содержанию.

Уладив вопрос с чтением лекций, Пирс провел лето в Наханте и Кембридже и вернулся в Балтимор как раз к началу осеннего семестра. Летом умер директор Паттерсон; пост директора Береговой службы занял Джулиус Э. Хилгард, вся профессиональная жизнь которого была связана со службой и которого Бенджамин Пирс после своего ухода обошел вниманием, рекомендуя назначить директором Паттерсона. Смерть Паттерсона лишила Пирса единственного покровителя в Береговой службе. К несчастью для Пирса, Хилгард затаил обиду на экстравагантного гения, ставшего теперь его подчиненным. К тому же, Хилгард был слабым управленцем, неприкрытое пьянство которого стало предметом разбирательства на комиссии Аллисона в 1885 году, когда главной мишенью оказался сам Пирс.

Весной 1882 года Пирс продолжил чтение своего курса лекций и представил Береговой службе план работ, который предусматривал проведение летних исследований на горе Десерт Айленд, на островах Шелс, на горе Вашингтон и в Нантукете, а зимой — поблизости от Балтимора — он намеревался побывать в Фредерике и Хейгерстауне, штат Мэриленд, и в паре мест в Аллегансах.¹³⁶ Эти славные планы пришлось отменить, так как сначала конгресс, а затем и министр финансов, который, будучи старым добрым кливлендским демократом, значительно урезал находившиеся в его ведении бюджеты и, в частности, бюджет Береговой службы, потребовали предоставить им результаты маятниковых исследований. Сам же Хилгард, видимо, не хотел или, скорее всего, не мог потребовать от Пирса предъявления результатов. В итоге ему и его помощнику, генералу Ричарду Каттсу, под давлением конгресса и министра финансов пришлось заявить Пирсу, что выделение средств на будущие исследования напрямую зависит от скорейшего предоставления им давно просроченных отчетов. Пирс старался удовлетворить обоих работодателей, но обстоятельства в конечном итоге вынудили его отказаться от чтения лекций во время осеннего семестра 1882 года, и вместо приятного лета в Новой Англии он в жаре Нью-Йорка усиленно писал «Ежегодные отчеты» для Береговой службы, включавшие некоторые материалы, датированные еще 1876 годом. С мая по сентябрь он находился на станциях в Вашингтоне, Хобокене, Олбани и Монреале. Пирс открыто ездил в Монреаль и Олбани вместе с Жюльетт, что привлекло внимание Хилгарда. В декабре вместе с французской полевой партией он основал станцию в Сент-

¹³⁶ CSP to JEH, 1 June 1882, NA, CGS, Assts. N-R, 1882.

Огастине и Саванне. В конце года Пирс вернулся в Вашингтон, где дожидался своего назначения профессором логики в университете.

Новый год сулил Пирсу многое. Он был уверен, что его назначат профессором, как было обещано ректором Гилмэном. Неспособность Паттерсона обеспечить его повышение в Береговой службе означала, что он мог оставить ее со спокойной душой и без сожалений, тем более что ходить в подчиненных у Хилгарда казалось ему унижительным. Он очень хотел остальную часть своей жизни посвятить глубокому и плодотворному изучению логики науки, как он того давно хотел. Но судьба распорядилась иначе: впереди его ждало десятилетие нужды и падения.

Перевод с английского Артема Смирнова

В примечаниях ссылки на рукописи (MS) и письма (L) соответствующим шифром отсылают к «Личным документам Чарльза Сандерса Пирса» (Charles Sanders Peirce Papers), хранящимся в Ходжтонской библиотеке, Гарвардский университет. Ссылки на прижизненные публикации Пирса помечены буквами Р или О, стоящими в конце примечания. (См.: Hardwick, Charles S., eds. *A Comprehensive Bibliography and Index of the Published Works of Charles Sanders Peirce with a Bibliography of Secondary Studies*. Greenwich, Connecticut: Johnson Associates, Inc., 1977).

Сокращения

Имена

BP – Бенджамин Пирс
SEP – Шарлотт Элизабет Пирс
CPP – Карлайл П. Паттерсон
CSP – Чарльз Сандерс Пирс
CWE – Чарльз У. Элиот
DCG – Дэниел К. Гилмэн
ESP – Эдвард К. Пикеринг
HJ – Генри Джеймс
JEN – Джулиус Эразмус Хилгард
JMP – Джеймс Миллс Пирс
JW – Джозеф Уинлок
MFP – Мелузина Фэй Пирс
SMP – Сара Миллс Пирс
WJ – Уильям Джеймс

Книги и архивы

Abbot – Francis Ellingwood Abbot Papers
CGS – Береговая и геодезическая служба
CP – *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*
CSPP – Charles Sanders Peirce Papers
Eliot – Charles W. Eliot Papers
Gilman – Daniel Coit Gilman Papers
HU – Гарвардский университет
James – William James Papers
JHU – John Hopkins University

Mitarachi – Sylvia Wright Mitarachi Personal Collection
NA – National Archives
Pickering – Edward C. Pickering Papers
PSP – *Peirce, Semiotic, and Pragmatism: Essays by Max H. Fisch*
Winlock – Joseph G. Winlock Papers

Библиография

Работы Ч.С. Пирса

- Пирс Ч.С. *Избранные философские произведения*. М.: Логос, 2000.
Peirce, Charles S. *Chance, Love, and Logic: Philosophical Essays by the Late Charles S. Peirce, the Founder of Pragmatism*. Edited by Morris R. Cohen. New York: Barnes & Noble, Inc., 1923.
Peirce, Charles S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Edited by Charles Hartshorne and Paul Weiss. Vols. I–VI. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1931–35.
Peirce, Charles S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Edited by A. Burks. Vols. VII–VIII. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1958.

Рукописи и письма

- Abbot, Francis Ellingwood. *Papers*. Harvard University Archives, Pusey Library, Cambridge, Massachusetts.
Eliot, Charles W. *Papers*. Harvard University Archives, Pusey Library, Cambridge, Massachusetts.
Gilman, Daniel Coit. *Papers*. Special Collections. Milton S. Eisenhower Library, The Johns Hopkins University.
Harvard University Corporation Papers. Harvard University Archives, Pusey Library, Cambridge, Massachusetts.
James, William. *Papers*. The Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Massachusetts.
Mitarachi, Sylvia Wright. *Papers*. Schlesinger Library, Radcliffe College, Cambridge, Massachusetts.
Norton, Charles Eliot. *Papers*. The Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Massachusetts.
Peirce, Benjamin. *Papers*. The Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Massachusetts.
Peirce, Charles S. *Papers*. The Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Massachusetts.
Pickering, E. C. *Papers*. Harvard University Archives, Pusey Library, Cambridge, Massachusetts.
Winlock, Joseph G. *Papers*. Harvard University Archives, Pusey Library, Cambridge, Massachusetts.

Правительственные документы

- U.S. National Archives. Records of the Coast and Geodetic Survey. Record Group 23. Superintendent's Files (1866–1905):
Appointment Division Correspondence, 1860–1891.
Letters Received from Assistants: 1867–1875; N–Z 1876; H–Q 1877; M–Q 1878; L–Q 1879; N–R 1882
Private Correspondence 1874–1877: 1881–1885.
Report of the Superintendent of the United States Coast Survey 1870.

Cmamsu

- Fisch, Max H. "Was There a Metaphysical Club?" In *Studies in the Philosophy of Charles Sanders Peirce*, edited by Edward C. Moore and Richard S. Robin. Amherst: The University of Massachusetts Press, 1964.
- Jastrow, J. "Charles S. Peirce as a Teacher." *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods* 13 (1916): 723–726.
- Ladd-Franklin, Christine. "Charles S. Peirce at the Johns Hopkins." *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods* 13 (1916): 715–722.
- Lenzen, Victor F. "Charles S. Peirce as Astronomer." In *Studies in the Philosophy of Charles Sanders Peirce*, edited by Edward C. Moore and Richard S. Robin. Amherst: The University of Massachusetts Press, 1964.
- Lenzen, Victor F., and Multhauf, Robert P. "Developments of Gravity Pendulums in the 19th Century." *United States National Museum Bulletin* 240, paper 44 (1965): 301–348.
- Peirce, Melusina Fay. *Atlantic Monthly* (December 1873): 701–716.
- Venn, J. Review of *Studies of Logic*. *Mind* 8 (1883): 594–603. *Washington Post*, 25 July 1885.
- Wiener, Philip P. "The Peirce-Langley Correspondence and Peirce's Manuscript on Hume & the Laws of Nature." *Proceedings of the American Philosophical Society* 91, no. 2 (1947): 201–228.

Knuuzi

- Agar, Herbert. *The Price of Union*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1966.
- Archibald, Raymond Clare. *Benjamin Peirce, 1809–1880: Bibliographical Sketch and Bibliography*. Oberlin, Ohio: The Mathematical Association of America, 1925.
- Arieti, Silvan, ed. *The American Handbook of Psychiatry*. Vol. 1. New York: Basic Books, Inc., 1959.
- Atkinson, Norma Pereira. "An Examination of the Life and Thought of Zina Fay Peirce, an American Reformer and Feminist." Ph.D. diss., Ball State University, 1984.
- Baring-Gould, S. *Curious Myths of the Middle Ages*. Philadelphia: Second Series, 1868.
- Clifford, W. K. *Fortnightly Review* 23 (1875): 788–789.
- Esposito, Joseph L. *Evolutionary Metaphysics: The Development of Peirce's Theory of Categories*. Athens: Ohio University Press, 1980.
- Fay, Amy. *Music-Study in Germany: From the Home Correspondence of Amy Fay*. Edited by the author of "Cooperative Housekeeping." Chicago: Jansen, McClurg & Co., 1881.
- Fisch, Max H. *Peirce, Semeiotic, and Pragmatism: Essays by Max H. Fisch*. Edited by Kenneth Laine Ketner and Christian J. W. Kloesel. Bloomington: Indiana University Press, 1986.
- Hardwick, Charles S., eds. *A Comprehensive Bibliography and Index of the Published Works of Charles Sanders Peirce with a Bibliography of Secondary Studies*. Greenwich, Connecticut: Johnson Associates, Inc., 1977.
- Houser, Nathan. Introduction to *Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition*, vol. 4, edited by the Peirce Edition Project. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- Murphey, Murray G. *The Development of Peirce's Philosophy*. Cambridge: Harvard University Press, 1961.
- Peirce, Melusina Fay. *New York: A Symphonic Study in Three Parts*. New York: Neale Publishing Co., 1918.
- Perry, R. B. *The Thought and Character of William James*. 2 vols. Boston: Little, Brown & Co., 1935.
- Shakespeare, William. *The Works of Shakespeare*. Edited by William George Clark and William Aldis Wright. London: Macmillan & Co., 1911.